

Время, в котором меня нет

**МИЛЛА
ГЕНРИХ**

Милла Генрих

Время, в котором меня нет

«Издательские решения»

Генрих М.

Время, в котором меня нет / М. Генрих — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500645-5

Готовы ли Вы на невероятные путешествия с главной героиней в прошлое? Вместе с ней вы будете мечтать, любить и совершать перемещения во времени. Но однажды два разных века вынесут свой вердикт между влюбленными. И вы не сможете сдержать своих слез.

ISBN 978-5-00-500645-5

© Генрих М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	26
Глава 5	29
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Время, в котором меня нет

Милла Генрих

Дизайнер обложки ТН
Корректор «Книжное Ателье»

© Милла Генрих, 2019
© ТН, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-0645-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Природа сошла с ума, стояло солнечное весеннее утро, весна была щедра на свое тепло в этом году, пекло и грело как летом. Даже февраль был жаркий, как весенний апрель. Вы не поверите, но температура воздуха доходила до +26.

Я вышла на задний двор своего дома, откуда открывался живописный вид на лес... Стояла, глядя вдаль, где почти на утесе возвышался замок графа Агело, и глубоко вдыхала, воздух был наполнен таким ароматом, что не хватало грудной клетки, чтобы вдохнуть его весь. Поднимая руки к небу, мне подумалось, что так во мне найдется больше места, чтобы насладиться этим опьяняющим воздухом, вдохнула и замерла на какое-то мгновение, цвет неба меня околдовал, оно было ярко-ярко голубого цвета и чистое, чистое. Мне хотелось взлететь и порхать как бабочка над цветами, высокой травой... Ноги сами понесли меня по тропинке к лесу. Все вокруг было очень красиво, и красота эта очаровывала сознание... и только у леса был еле заметен легкий туман. Но солнце светило ярко, и пелена его была почти совсем незаметна. Я шла по тропинке, то бежала вприпрыжку, то останавливалась и вдыхала весенний аромат. Я наслаждалась всей этой красотой, которая меня опьяняла. Казалось, не только душа, но и тело летит. Я и не заметила, как пересекла туманную полосу в лесу. Вы не представляете, какой вид мне открылся, с правой стороны леса стоял белоснежный дом, видно, недавно покрашенный, он от солнечных лучей сиял своей белизной. От дома в мою сторону вела такая же тропинка, на которой я стояла. Рядом с домом была поляна, покрытая одуванчиками, они как будто пели гимн солнцу своим сказочно ярко-желтым цветом.

«Хм-м-мм, – задумалась я. Кажется, еще совсем недавно, я была тут и дома этого не было». Интересно, откуда он взялся? Вокруг никого не было, не единой души. Во мне стало разгораться любопытство...

Что это все-таки за дом?

Подойдя ближе, я услышала какой-то звук, меня это не остановило. Я встала совсем близко к стене, где был проем для окна, но рамы оконной не было, пытаюсь заглянуть вовнутрь, мне опять не удалось увидеть, что же там внутри. Я решила пойти к следующему окну... Под ним росла высокая трава почти с мой рост, никто ее не скашивал, меня и это не удивило. Все было так девственно в это утро, что голова отказывалась мыслить о буднях.

...У второго окна я остановилась, так как из комнаты слышались шорохи, подкралась потихоньку и заглянула, дом был почти пустой, с левой стороны стоял очаг, возле очага сидела женщина, выгребала из него золу, она сидела ко мне спиной и не видела, как я разглядываю ее с любопытством. Посередине комнаты стоял дубовый стол, на столе стояла незажженная свеча и какой-то чугунок, по бокам стола две лавки. У другой стены стояло что-то наподобие кровати. Странно, бывая в этих местах не раз и не два, я никогда не видела этого дома...

«Ах, до чего же я невнимательная», – подумалось мне. Видно, дом все-таки был, но я его просто никогда не замечала. И я тихонько стала удаляться от дома. Вернувшись на свою тропинку, вдохнув воздуха глубже и растопырив руки как в крылья самолета, побежала. Настроение было прекрасное, и мне не хотелось возвращаться домой. У меня сегодня первый день отпуска...

Я увидела бабочку, порхающую впереди меня. Да, да, вот такой же бабочкой в данный момент мне и хотелось быть. Я бежала за ней в противоположную сторону от дома. По бокам росли ели, кустарники, все было ярко, и краски эти меня опьяняли. Не знаю, как долго я бежала... Но обогнув небольшую гору, я не поверила своим глазам...

Нет, этого не может быть. В небольшой низине было озеро, совсем маленькое на фоне ярко-зеленого леса, а в воде отражалось чистое голубое небо, на берегу повсюду цвели

ромашки и одуванчики. Вау, как все было удивительно красиво! Здесь ведь недавно текла маленькая горная речка. Откуда озеро, мне было непонятно.

Ускорив бег к озеру, я теперь сама себя чувствовала бабочкой, порхающей над всем этим, что околдовывало меня в этот миг... Вода действительно была прозрачной и, казалось, все камешки на дне можно было посчитать. Задрав подол своей белой батистовой юбки, которая была мне по щиколотку, я шагнула в воду, она приятно охлаждала мне ноги. Солнце за все теплые дни успело согреть эту прозрачную водицу. Ведь уже скоро лето, да и весна на удивление очень жаркая, подумалось мне.

Выбежав на берег, я огляделась, ни одной души в этом волшебном мире не было. Не раздумывая, я сняла с себя все и бросилась в воду. Вода ласкала своей свежестью и прохладой. Впереди я увидела маленький островок и поплыла туда. Поплескавшись еще немножко у островка, я нагая вышла из воды и легла на мелкие, уже горячие камешки, которыми был усыпан берег этого островка. Лежала и глядела на чистое небо, а солнечные лучи ласково грели мое тело. О чем я думала?

Опьяненная воздухом и всей красотой я почему-то мечтала о рыцаре. Время для меня в этот момент остановилось.

И вдруг я услышала два мужских голоса. О Боже, моя одежда, она осталась там, на берегу. Забежав за кустарник, который рос на маленьком островке и почти утонул в высокой траве, я сидела тихо и смотрела в сторону, откуда доносились голоса... По моей тропинке спускались к озеру двое мужчин. Подойдя к берегу, один, тот, который повыше, шатен, размахивая мечом, поднял вверх мою юбку и, смеясь, произнес, наверное, специально, громким голосом:

– Интересно, какая простолюдинка забыла здесь свою нижнюю юбку? А это что?

Он повесил на меч мои трусики и бюстгальтер...

Второй был ниже ростом, волосы были до плеч, светлые, стоял, пожимая плечами...

Оба были одеты, как актеры из фильма «Королева Марго».

«Ой, – вспомнилось мне, – я же читала в газете, что в наших краях будут снимать исторический фильм».

– Во, блин, заигрались дядьки, простолюдинка, видите ли, а они, типа, королевские рыцари, – прошептала я. – Да пошли бы вы отсюда, мне пора одеваться и домой, а не на вас тут смотреть, как вы первобытно рассматриваете мою одежду. Как будто и в правду никогда не видели женских трусов и бюстгальтеров.

Блондин над чем-то рассмеялся и громко сказал:

– Пойду, у меня еще одно дело есть, может, позже приду сюда искупаться.

И быстрым шагом зашагал обратно в лес.

Постояв еще пару минут, шатен наконец бросил мою одежду на траву.

Бог мой, что он делает? Он раздевался, причем догола.

Ужас, шептала я, хоть бы постеснялся, и засмеялась такой дурной мысли, потому как сама стояла нагая...

Он снял с себя всю одежду и стал медленно входить в воду...

Я не могла, конечно, рассмотреть со своего островка все его родинки и шрамы, но то, что он был строен, с первого взгляда скажешь, не ленится мужчина и свое тело тренирует. А если честно, он был просто великолепно сложен, прям как богатырь! Он стоял в солнечных лучах по колена в воде и руками зачерпывал воду, наверное, хотел напоить Солнце своей пригоршней воды за то, что оно его ласкало.

Постояв немного, он быстро нырнул... Мне казалось, секунды переходят в минуты, но голова его не появлялась на поверхности воды.

Я уже хотела привстать из своей засады, как услышала:

– И долго ты собираешься там сидеть?

Я оглянулась, но позади и по бокам меня никого не было.

«Это он с кем?» – подумала я.

И тут я увидела, что он лежит почти на берегу моего островка. Смотрит на кустарник, за которым я и сидела. Значит, он меня видит, мелькнуло в голове...

– Это вы кому говорите, мужчина?

– Тебе, или там еще кто-то есть?

– Товарищ, плывите уже на другой берег, меня скоро комары съедят по вашей милости.

– Ну так выходи?

– Размечтался. Мне одеться надо, прежде чем выйти.

– Так и быть, я не буду смотреть, выходи и плыви к берегу.

– И вашему слову можно верить?

– Даю слово чести.

Интересно, а есть она, честь-то, у вас, мелькнуло в моей голове.

– Мужчина, а нельзя без всяких слов вам отплыть подальше? И купайтесь себе на здоровье. А мне правда домой пора.

– Нет, нельзя, вообще-то это мое озеро, и я даю разрешение, кому в нем купаться.

– Круто. Я потом лицензию на вашу собственность посмотрю, а сейчас мне пора. Уж извините и будьте добры все же отвернуться. Я даже уже верю вашему слову чести...

– Хоть мне очень интересно увидеть, кто же это носит такую странную одежду, но уже не смотрю, плыви.

– Спасибо...

Подбежав к воде, я плюхнулась в нее как-то неуклюже и быстро, как могла, давай грести к берегу... Надеюсь все же на его порядочность, что он остался на берегу островка, и не смотрит в мою сторону...

Уже подплывая, я все-таки обернулась посмотреть, где он и была удивлена тем, что он действительно лежал на том же месте и смотрел в другую сторону.

«Да уж, есть еще мужчины на земле, у которых слово чести не расходится с делом...»

Выбежав на берег, я быстро оделась. И крикнула:

– Спасибо, самый честный мужчина. Вы и вправду Благородный Рыцарь...

Прям как в кино, подумалось мне. Вприпрыжку я побежала по своей тропинке назад в лес, иногда оглядываясь на Рыцаря в воде. Он то, ныряя, уходил под воду, то выпрыгивал из воды. И уже у самого поворота я оглянулась в последний раз, он стоял на берегу, наклонившись над своей одеждой, а взглядом, наверное, провожал меня... Я махнула ему напоследок и, улыбаясь, пошла быстрым шагом дальше...

Поднявшись по тропинке вверх, к поляне, я была удивлена еще больше, нет, даже не удивлена, а больше шокирована тем, что там творилось... Дом, который недавно сиял своей белизной, был серый, грязный, по поляне, на которой час или два назад цвели цветы, бегали куры, паслись козы, и лес поредел с одной стороны, где теперь еще добавилось четыре хижины, сколоченные из бревен...

«Ужас, – подумала я, – как можно ради фильма так издеваться над природой». Казалось, и солнце стало светить менее ярко. Подойдя ближе к белому дому, я испугалась еще сильнее. Моя тропинка упиралась в густые кустарники, казалось, тут никогда и не ступала нога человека. Как так, я час назад шла, и здесь была тропинка к моему дому! Я стала в панике бегать у заросших кустов, дергая их, пробуя откинуть все эти кусты в сторону... Но все это не было декорацией, о которой я подумала раньше... Тропинки не было, за кустами рос густой лес. Главное, не паниковать. Я просто, видно, от впечатлений о Рыцаре пошла не той тропой, думала я.

Присев на кучу неотесанных бревен, я задумалась и не заметила, что недалеко от меня собирались люди. Когда услышала смех, я повернула голову в их сторону. Толпа загримированных артистов стояла поблизости и, тыкая в меня пальцами, смеялась. Некоторые выкрики-

вали что-то, не то чтоб я не понимала их речь, но все же для меня она звучала как-то дико. Один юнец подбежал ко мне и стал меня трогать, сначала за руку, я отдернула ее, он явно осмелел от выкриков с толпы и провел по моему оголенному плечу, мой ярко-желтый топ на тонких бретельках с декольтированным вырезом как со спины, так и с передней стороны, видно, не вписывался в сюжет их исторического фильма. Я, недолго думая, слегка ударила парня по руке. Он хмыкнул, но отошел, толпа начала смеяться громче. Юнец был одет как колхозник какой-то: широкая рубаша, даже трудно сказать, какого цвета она была, и как в старых кино у мужчин, бесформенные штаны.

«Обалдеть, – подумала я, – фильм фильмом, но вещи надо иногда и стирать...» Оглядев толпу беглым взглядом, я поняла, что они все были одеты как крестьяне из далекого прошлого. Стояла, смотрела на все это и недоумевала, что происходит, где камеры, где режиссер – злой дядька, который всегда кричит «СТОП», если в кадр попадает что-то лишнее. Я ведь точно здесь лишняя. Стояла я какое-то время, в надежде все же услышать этот крик «СТОП», но его не было. Толпа смеялась, женщины плевали в мою сторону. И я осознала, что я все же их не понимаю. Это диалект, который мне был мало знаком. Юнец опять подошел ко мне близко и толкнул, я устояла на месте, но меня уже все начинало злить. Оглянувшись на то место, где я сидела, увидела рядом с бревнами палку. Увесистая, она напоминала черенок для граблей, я наклонилась и взяла ее. Юнец отступил. Из толпы что-то выкрикивали, и он, смотря на них, чему-то ехидно улыбался. В этот момент я подумала – может, я сплю, и мне снится плохой сон?

«Надо себя ущипнуть больно и проснуться.»

И в этот миг меня действительно ущипнули, я вздрогнула и замахнулась палкой, это юнец, улыбаясь еще шире, умудрился меня ущипнуть. Честно говоря, я боялась такой палкой ударить человека, не дай Бог прибыю, и от этой безвыходности что ли, я закричала как умалишенная. Просто стояла и кричала: «А-а-а-а!», как будто хотела выдохнуть весь этот кошмар. Юнец дал деру. Люди в толпе стали переглядываться и притихли, кто-то в меня что-то кинул. Я не видела, кто и откуда, и даже не поняла, что лежит у моих ног. Но в голове мелькнуло идиотское: «недолет, ха-ха».

Посмотрев вниз, я увидела мой мобильный телефон, он выпал из кармана юбки. Наклоняясь, я все же смотрела на толпу, которая начинала агрессивнее на меня как-то реагировать. Взяв телефон, я начала набирать номер полиции, мне все это до ужаса не нравится. То ли они были пьяные, то ли обкурились все... Но вели они себя неадекватно, это точно. И меня это начало пугать... Набрал 110, я услышала тишину, никаких гудков. Я опять набрала, опять тишина.

«Блин, батарейка, что ли, села, я ведь утром его с зарядки сняла». Решила проверить, села батарейка или нет, нажала на кнопку «Музыка». В этот момент в меня прилетел комок глины, попав прямо в плечо.

– Ай, заразы такие. Я в полицию звоню уже. Сейчас будет вам кино. Мало не покажется. А синяк на плече – это уже телесное повреждение, статья вам, господа, светит, групповая причем. Хотя какие вы «господа», – бурчала я тихо.

Почему женщины плевались, я не понимала, а мужики скалились как Серый Волк перед Красной шапочкой, вызывая этим неприятную дрожь в теле. Меня передернуло. Один из толпы, крепкий такой на вид мужик, резко двинулся на меня. Я начала паниковать, и пальцы стали нажимать нервно на все кнопки в телефоне. Тут заиграла музыка.

– А я иду такая вся в «Дольче Габбана», – запела Верка Сердючка.

Мужик,двигающийся на меня, шархнул в сторону, я даже подумала, что его сбили гарпуном и потянули в сторону леса. Толпа крестилась и разбегалась кто куда, кто падал, кто спотыкался, а я стояла, смотрела и ничего не могла понять, что за гром и молния шархнули в них.

А с телефона лилось:

– Слезы душат-душат, я в плену обмана. Но иду такая вся в «Дольче Габбана».

Глава 2

Постояв так в недоумении минут десять, я огляделась, вокруг опять никого не было. Где стояла толпа людей, была тропа, но она вела совсем в другую сторону, в этом лесу я была часто, но никогда не была в той стороне, куда вела сейчас эта широкая на вид тропинка. Неуверенно я все же решила пойти по ней, кто знает, может, там и будет начальник всей этой киносъемки или балагана – даже не знаю, как все это назвать. Проведя меня мимо всех четырех хижины, теперь они казались пустыми очень старыми и заброшенными, тропа сузилась и резко начала подниматься в гору. У скалы слева вдруг посыпались камни, мне показалось, кто-то за скалой прятался. И стало как-то не по себе. Для меня это был совершенно незнакомый лес. Вдруг из-за скалы скатился вниз юнец, преграждая мне дорогу, вид у него, скажу я вам, был не очень доброжелателен... Ну а с другой стороны, подумала я, что мне, взрослой женщине, может сделать какой-то пацан... И я смело шагнула ему навстречу. Он преградил мне дорогу.

– Ну что, добрый молодец, на этот раз вы решили выдать? И только попробуй меня коснуться, я ударю.

Он стоял и ухмылялся, на вид ему было лет 17, хотя затрудняюсь сказать, сколько ему было на самом деле, может, из-за неухоженности и одежды, которая была явно не его размера, ко всему он был еще и грязный, а босые ноги от грязи, казалось, хотели треснуть. Зубы его не светились юной белизной в полуоткрытом рту. Ростом он был выше меня почти на полторы головы, худощавый и немного сутулый. Волосы были всклокочены, глаза, большие, светло-карие, смотрели на меня сейчас как кот на сметану. Над верхней губой пробился пушок темных усиков.

«Если он умоется и наденет нормальную одежду, он будет очень даже симпатичным юношей», – подумала я, пристально его разглядывая.

Я шагнула влево, хотела обойти его, он тоже шагнул, я вправо, и он туда же, не давая мне обойти его.

– Послушай, юноша, иди своей дорогой, пожалуйста, не зли меня.

– Ты голая, – сказал он.

– Я голая?

И тут он схватил меня обеими руками за плечи и попытался прижать к себе.

Я с силой оттолкнула его, и он, не удержавшись на ногах, покатился с тропы вниз, в глубокий каменистый ров, весь поросший колючками. Я очень испугалась, так как не хотела, конечно, чтоб он свалился туда.

Летя вниз, он кричал, потом резко стало тихо, я испугалась и стала его звать:

– Пацан, ты там живой?

В ответ мне была тишина, подойдя к краю тропы, я, наклоняясь вперед, попыталась рассмотреть, что там, внизу, но выступающий камень мешал, я отошла левее и снова потянулась вперед. Ногой нащупав твердую поверхность, я, не глядя, наступила туда и тоже полетела вниз. Летя, я пыталась цепляться за кусты, но все они были колючими. Долетев до низа, я была вся в колючих репейниках или как они назывались, не знаю, но кололись как кактусы, вся поцарапанная, кое-где даже на руках и ногах кровавые ссадины, руки все в занозах. Лежала и боялась шевельнуться. Все тело жгло, как будто терлась об крапиву, ко всему еще потеряла свою босоножку с правой ноги, слезы потекли из глаз, я ворчала на все – на боль, на колючки, которые никто не вырубал и эти кусты здесь устроили себе колючий рай. Так, жалея себя, проползла немного вверх, ища босоножку, увидела сидящего пацана, стиравшего листом от какой-то травы сочившуюся кровь с ноги. Мне показалось, он плакал, как настоящий мужчина, тихо, не издавая звуков. Хотя, может быть, мне это просто показалось. Я направилась к нему.

– У тебя кровь! – вскрикнула я, кровь во мне всегда вызывала панику.

– На себя посмотри, как будто у тебя нет крови. И вообще иди отсюда, не подходи ко мне!
– Никуда я не уйду... Прости, я не хотела так сильно толкнуть, просто так получилось,

сама не знаю как.

С ноги у него капала кровь, падая, мальчишка, видно, сильно где-то зацепил ногой об острый камень. Он быстро сморгнул слезы. Не хотел их мне показывать. Чисто мужской жест. Я сделала вид, что не заметила. Недолго думая, я подняла подол своей длинной юбки и стала отрывать не очень широкие полоски ткани. Надо было сделать повязку на ногу, да и себе перебинтовать руку, рана тоже кровоточила выше локтя, обе руки были сильно поцарапаны.

Он смотрел на меня удивленным взглядом. Оторвав край своей юбки и очистив полоску от колючек, я подошла к нему вплотную и сказала:

– Давай перебинтую, хоть это не бинт, но все же лучше, чем ничего.

Он качнул головой, подставляя ногу, чтобы перебинтовать. Если честно, не знаю, как я держалась, я боялась вообще-то крови всегда. А тут храбрилась, хотя мой желудок начинал при виде всей яркости крови возмущаться.

– Сильно больно? – спросила его.

– А тебе? – задал встречный вопрос пацан.

Лучше бы он не спрашивал, мне было больно, босоножку я не нашла, все колосось, пекло, чесалось. И меня прорвало, я заплакала как ребенок.

Он встал с места и стал вытаскивать из моих волос репей, приговаривая:

– Не плачь, заживет, а вот репей лучше вытащить сейчас, а то скатается еще больше, потом останешься без волос.

Сейчас этот пацан вел себя как мужчина, он не показывал, что ему так же больно, как и мне, а может, еще больнее. Мне стало стыдно, я, взрослая женщина, распустила нюни перед ребенком, у которого раны на теле были не меньше моих. Вытаскивая из волос репей, я машинально стала обдирать колючки с его одежды. Потом посмотрела в его глаза, они были удивительно красивы. «Не одну девушку он сведет ими с ума», – подумала я. Он возился в моих волосах, стараясь не делать мне больно.

Мы слышали какой-то шум, в кустарниках явно кто-то был. Я напряглась, да и пацан тоже насторожился, потом шепотом мне прошептал:

– Поднимайся потихоньку во-о-н по той насыпи наверх.

Я хотела было открыть рот, но он зажал мне его рукой, и в его глазах я прочитала: «Опасность!», зрачки были расширены и стали почти черного цвета, я еле как кивнула, давая знак, что поняла, и стала молча потихоньку удаляться от него левее к насыпи, которую он мне указал пальцем. Поползла наверх по насыпи, уж поверьте, это неблагодарный труд, ты ползешь наверх, а насыпь тебя посылает обратно вниз. Юбка мешала своей длиной, я подняла подол, собрав ее в узел выше колен, и опять поползла наверх, проползла немножко вверх и даже сумела зацепиться за куст, правда, висел он, норовя оборваться каждую секунду и броситься со мною вниз... Я посмотрела в ту сторону, где остался пацан, в руках у него был увесистый камень, он как будто метился им в кого-то. Тут из кустарника выскочил здоровенный раненый кабан. Пацан кинул камень и попал кабану в лоб, он свалился, наверное, на время потерял сознание, пацан кинулся в мою сторону и давай подниматься тоже по насыпи вверх, крича мне:

– Шевелись! Быстрее, пока они нас не сожрали! Они, раненые, бешеные.

И я увидела, как из кустарника выбежал еще один кабан, вот тут у меня от страха заработали все конечности сразу, я пальцами вцеплялась в насыпь, ногами то скользя, то снова двигая себя наверх, я не смотрела уже, что творилось позади меня, иногда пацан обгонял меня, карабкаясь вверх, но потом возвращался и тянул меня за собой, и как-то, не думая, руки зацепились за какой-то куст, я подтянулась выше и уже хотела приподняться, как куст вырвался с корнем и остался в моих руках, качаясь и стараясь выровнять равновесие, я завалилась все же набок, скользя вниз, и полетела быстрее, чем могла вообще что-то разглядеть. Заорала от страха так

громко, что, казалось, весь лес содрогнулся. Я летела вниз прямо на кабана, нет, не на одного кабана, а на целую стаю, там их было уже с дюжину. Но страх меня не сковал, ногами я все же пыталась затормозить падение, руками хваталась за все, что попадалось на пути, а эти гады спокойно стояли и поджидали меня внизу, наверное, стучали копытами и облизывались. Не долетая до самого низа, я уцепилась за камень, который торчал из земли под насыпью и преграждал мне путь к окончательному падению в лапы этих хряков. Ко мне подкатился пацан, обхватил меня за шею и заворчал:

– Вот откуда ты свалилась на мою голову?

Он начал кидать камни в кабанов, которые пытались по насыпи своим рылом прокладывать путь к нам, так и норовя насадить нас на свои клыки, как шашлык на шампуры. Эти тупые животные, которые вообще-то не нападают на людей, вели сейчас себя как-то неправильно. Я ведь читала где-то или видела по телевизору передачу, что только кабан-секач зачастую нападает на людей, но они в основном обитают в одиночестве. А тут стадо собралось, и все раненые секачи. Два кабана – каким-то образом у них это получалось – медленно лезли к нам наверх по возвышенности.

Я закричала:

– Слушай, что это за кабаны, они как собаки по следу бегут! Разве такое возможно?

Парень не стал ничего объяснять, только подтолкнул меня вперед себя и сказал:

– Лезь быстрее наверх и старайся больше не падать, давай, шевелись же.

Я снова начала вцепляться руками в насыпь, прокладывая себе путь наверх, не знаю, откуда у меня брались силы, но старалась не думать, как больно рукам, ногам, а карабкалась вверх из последних сил. И вдруг услышала крик пацана, я оглянулась и от ужаса закричала еще громче, чем он сам, кабан все же лез наверх быстрее, чем я, а пацан лез за мной, прикрывая меня от этого бешеного зверя. Я не видела, что случилось, но кабан своим рылом, видно, достал пацана, и тот закричал от боли. Затем развернулся, сел, приподняв ноги, стал ими дрыгать, отбиваясь от кабана. У него получилось ногой попасть в бок этому бешеному гаду, и тот полетел вниз. Эти неугомонные звери внизу рыли своими рылами все, что попадало под их пятаки. Наверняка приняли нас за два больших желудя. Падая, кабан угодил прямо в середину стада, и оно, визжа, разбежалось. Но четыре кабана так и стояли спокойно внизу и поглядывали наверх, наверное, ждали, когда два таких больших желудя свалятся к ним под рыла. До самого верха оставалось не так далеко, но сверху нависал огромный камень, который надо было обползать или с правой, или с левой стороны, но с обеих сторон росли густые колючки. Пацан докарабкался до меня и сказал:

– Нам надо поторопиться.

Я молча кивнула и полезла первая в сторону колючек, меня уже окутывал ужас, пацан не удержался и начал скатываться опять вниз, но закричал мне, чтоб ни в коем случае не останавливалась, а лезла вперед, я уже боялась перечить, ведь по сути он бы уже давно вскарабкался наверх, был бы он один, а я ему, видно, только мешала. Сверху раскинул свои ветки зеленый куст, я уцепилась за него, он вроде крепко врос в горную породу. И оглянулась. У пацана явно не было сил, а кабаны стояли все у насыпи, и только один упорно лез за пацаном, наверное, самый бешеный из всех. Протянув руку еще за самой длинной веткой от кустарника, которая нависала надо мной, я сумела ухватить и ее, соединила обе ветки вместе, подняла подол юбки, который уже опять болтался в ногах, обмотала им колючие ветки от кустарника, подергала изо всех сил, ветки были крепкие, и я, держась за них, быстро стала спускаться вниз, на сколько позволит длина веток. Нет, я не дотянулась до пацана, ветки все же были короткие, я легла, крича ему, чтоб он зацепился за мою ногу. Он дотянулся до ноги, зацепился и стал быстрее карабкаться. Когда он поравнялся уже со мной, раздался треск, одна ветка хрустнула и сломалась, пацан дернулся, но удержался за меня, повиснув беспомощно, так же, как и я, хорошо, что юбка в талии была на резинке, она задралась почти выше моей головы. Я не думала сей-

час о своем виде, а молила бога, чтобы другая ветка все же удержала нас. В этот момент ни с того ни с сего кабана подкинуло вверх, и он полетел вниз. Меня явно кто-то схватил за руки. И медленно тянул вверх.

Я услышала уже знакомый голос, который на непонятном мне языке что-то сказал, пацан отцепился от меня и резким рывком улетел наверх. Меня тянули тоже, медленно, видно, жалея, не давая мне пораниться еще больше. Наконец ногами я почувствовала крепкую почву, которая не сыпалась и держала меня, руки мои отпустили и стали помогать опустить юбку в низ, передо мной стоял Рыцарь с озера. В этот момент силы меня покинули, я разрыдалась, обеими руками обхватила его и крепко прижалась. Он гладил мою голову и тихо успокаивал, шепча:

– Ш-ш, все позади. Теперь все будет хорошо.

В стороне на камне сидел пацан, рядом с ним на корточках сидел тот самый блондин, который тоже был с моим Рыцарем у озера. Он осматривал ногу пацана, из раны капала кровь.

Блондин с удивлением сказал:

– Эгон, ты просто герой, как ты сумел клыкастым подставить свою ногу? Только не говори, что ты не знал, как надо уходить от них.

«Значит, пацана звали Эгон. Красивое старинное имя», – подумала я.

Эгон немного замялся и сказал:

– Да если бы не она, я б, конечно, ушел от них беспрепятственно. А вот она как будто очень хотела к ним в лапы, вечно подставляла им свой красивый зад. Вот и пришлось ее зад прикрывать все время.

Мужчины рассмеялись. И мой Рыцарь сказал:

– Ты молодец, я тебя возьму к себе в оруженосцы, но сначала пройдешь обучение.

Эгон соскочил с камня как ошпаренный и бросился к стоявшему в моих объятиях Рыцарю. Опустился на колено, схватил Рыцаря за руку, поцеловал ее, сказав:

– Спасибо, милорд.

Я не могла больше все это видеть, оттолкнула Рыцаря и сказала:

– Слушайте, хватит вам играть свое кино, пацана надо в больницу отправить, пока у него заражение не началось от грязи, и фиг знает, какой кабан бешеный был, когда своими зубами или клыками цапнул его за ногу. Взрослые мужчины и не понимаете, что заражение это вам не насморк – ра-а-з и пройдет.

Они стояли, глядя на меня, и думали, наверное, что от страха я сошла с ума.

Рыцарь улыбнулся и сказал:

– Ну вот, кажется, успокоилась. Теперь мы вас оставим тут ненадолго. Нас ждут внизу. Мы скоро с Артуром вернемся.

Он говорил это, смотря на Эгона, а тот кивнул в знак согласия. Но при этом еще и поклонился.

А я услышала слово «внизу» и от страха закричала:

– Там внизу куча бешеных кабанов! Вы что, с ума сошли, туда лезть!

Рыцарь улыбнулся и пальцем вытер катившуюся из моих глаз слезу, сказав:

– Не бойся, нас очень много, и с нами ничего не случится, только ты оставайся рядом с Эгоном и ничего не делай, просто посидите и отдохните, пока мы не вернемся.

Я посмотрела в его сине-зеленые глаза, самые красивые глаза, которые я когда-либо видела, и в них отразилась такая нежность, что мне стало спокойно, я кивнула тоже, как и Эгон, и пошла к камню, на который тот присел, пытаюсь тряпкой обмотать пятку, которая до сих пор кровоточила. Рыцарь с Блондином ушли. Я оторвала еще одну ленту от подола своей юбки, она уже была не белого, а земельного цвета, и вообще это уже была не юбка, а какая-то обдир-гашка, местами порванная, грязная. Сев перед Эгоном, сказала:

– Давай свою ногу, перевяжу ее.

Он протянул руку и выдернул ленту из моих рук, сказав:

– Я сам, ты лучше свои коленки обтирай, они у тебя тоже все в крови. Вон, смотри, широкий зеленый лист, сорви его и приложи к ранкам и замотай. Тебе придется еще маленько оторвать от юбки кусок материи.

– Да нет проблем, – ответила я и начала отрывать еще одну полоску. Юбка уже от длины по щиколотку становилась медленно мини-юбкой, она была уже практически выше колен.

Пацан неумело обмотал пятку, хотя, может, от того, что лента была не настолько длинной, чтоб наложить нормальную повязку. Сорвав широкий лист, на который мне показали, отряхнув его и маленько обтерев об свой топ, я приложила лист к ранке, немножко обмотала, и, поделив ленту пополам, завязала, и получилось даже неплохо, бинтовать я все же умела. Потом глянула на Эгона и сказала:

– Твоя повязка слетит, как только ты пошевелишь ногой, дай я перевяжу.

– Не упадет, хотя ты и вправду вяжешь лучше, чем я. Ну на, замотай, у тебя это получается хорошо.

Он размотал ногу и протянул окровавленную ленту мне, взяв ее, я глянула на его пятку, мне показалось, ее нет, кабан ее, наверное, съел, во всяком случае, кровавое месиво не дало мне что-либо увидеть, меня затошнило, я бросила повязку на Эгона и шарахнулась в сторону, чтоб не извергать свой съеденный завтрак прямо на него...

– Вот неженка, черт бы тебя побрал, раз не можешь, чего говоришь «давай перевяжу». Сидела бы спокойно. Нет, теперь еще если в обморок упадешь, что я с тобой делать буду, – заворчал он. А сам заматывал снова свою пятку.

Желудок мой возмущался, вызывая позывы рвоты. Но меня не рвало. Только глаза проносились на лоб от рвотных позывов. Я прилегла на камни боком, закрыла глаза. Немного полежав, мне полегчало. Эгон продолжал что-то ворчать, но я не вслушивалась, о чем он там бурчит. Повернувшись на спину, я посмотрела на небо, оно было такого же ярко-голубого цвета, как и ранним утром, когда я вышла во двор своего дома. Это чистое голубое небо и потянуло меня, как бабочку, в лес. Как я хотела тогда порхать, и как сейчас, лежа на камнях, не хотела даже шевелиться, силы покинули меня окончательно. Я очень хотела домой.

Глава 3

Эгон спустился с камня, видно, нога у него болела сильно, раз он не стал подниматься на ноги, а только морщился, подполз ко мне, его голова нависла над моей, и, глядя мне в глаза, он спросил:

– Ну как, тебе уже лучше?

– Совсем капельку, – ответила я.

– Да вижу, щеки порозовели, а то зеленая была, то ли от страха, то ли от моей крови. Эх ты, совсем как принцесса. Как тебя звать-то?

– Миледа, прости, сил нету, чтобы присесть в реверансе.

– Миледа, какое странное имя, никогда не слышал такого. А меня Эгон зовут, смешная ты, лежи, я не милорд, чтоб передо мной в поклоне имя называть.

– Спасибо тебе, Эгон.

– За что?

– За все, за помощь, за защиту, ведь ты и вправду пострадал из-за меня.

– Да ладно тебе, я хоть не из знати, но нас милорд обучает женщин защищать и уважать.

– Кто такой милорд?

– Ха-ха-ха, – засмеялся он, – не придуривайся, что не знаешь, кто в наших краях милорд и на чьей земле ты живешь.

– Я правда не знаю. Хотя, наверное, я сошла с ума, сейчас ведь весна, а здесь репейники уже не просто цветут, а еще и цепляются. Все, что появляется летом, уже все есть. И кабаны странные, они ж пугливые по идее, хотя если раненые, то не знаю.

– Тогда откуда ты к нам пожаловала, совсем голая?

– Вот бы знать сейчас, откуда, и вообще, почему голая-то? Одета, как и все.

– Как все? Так на тебе ничего нету, кроме нижней юбки и какой-то странной повязки сверху. А теперь и нижняя твоя юбка уже не юбка. Вот как ты пойдешь в деревню?

– Ну да, моя одежда немного не вписывается в ваше кино, она слишком современна, пойду очень даже хорошо, и не в деревню, а в город, и даже стесняться не буду, гордо пройду по улице и мне пофигу, что обо мне могут подумать люди.

– Ты и разговариваешь как-то странно, я тебя даже не понимаю иногда.

– Я тоже вас не понимаю, на каком языке вы говорили?

– На местном, который знают все, кто здесь родился и живет.

– Хм-м-м, ну может быть, я ведь тут не родилась, поэтому могу его и не знать.

– А на какой земле ты родилась?

– Я родилась в волшебной стране, большой, красивой, богатой. Слышал о такой стране? Называется Россией.

– Нет не слышал, – ответил он.

– Что, в школе не проходили о России ничего? Что-то не верится. Эгон, двоичник ты, наверное, и как тебя еще в артисты взяли.

– Вот сейчас я тебя опять не понимаю.

– Ну и ладно, может, когда вырастешь, все будешь понимать, и еще услышишь о моей стране.

– Ты что думаешь, я маленький?

– Ну и не взрослый, тебе сколько лет?

– Шестнадцать, я жениться могу.

– О-о-о да, и чего ты будешь с женой делать, если женишься сейчас, ее кормить надо, а если дети будут? Эх, Эгон, приколист ты, учись лучше, а жениться всегда успеешь.

Он вдруг насторожился и тихим голосом сказал:

– Вставай быстро, кажется, к нам кто-то пожаловал. Давай спускайся под камень.

– Ой, мамочка, что опять? То поднимайся, то спускайся, я не слышу ничего. Эгон, давай еще маленько посидим, не двигаясь.

– Вставай, говорю, быстро.

Он схватил меня за руку, стал помогать подняться. И потянул опять в колючие заросли под тот камень, из-под которого совсем недавно я умоляла Бога, чтобы он помог выбраться. Пробираясь опять по колючкам и насыпи вниз, я уже просто хотела кричать от злости, боли, от всей этой дурацкой ситуации, которая как будто испытывала меня сейчас на выносливость.

Как только мы завалились под камень, Эгон молча показал, чтобы я поджала ноги и спиной прижалась к камню сильнее, сам он сидел, одной рукой держась за острый выступ от камня, а другой обхватив меня за шею, и зажал мне рот, я хотела было опротестовать такой жест, но в это время действительно сверху над нами послышались голоса. Я не понимала речь сверху, только чувствовала, как Эгон своей рукой еще сильнее сдавил мне рот. И от этого замерла, не дыша. Сверху разговаривали тихо, но властно. И так неожиданно перед нами упал камень, я вздрогнула, Эгон ногой подтолкнул камень, и тот покатился вниз. Сверху кто-то еще начал кидать камни, потому что тут же упал другой, потом следующий, я сидела, уже не шевелясь. Над нами что-то пошумело, потом опять кто-то что-то скомандовал, и мы услышали удаляющийся бег. Но Эгон не ослабил хватку в руке, и по-прежнему держал мой рот зажатым. Не знаю, сколько мы так сидели, но мне показалось, вечность. Я понимала, что там, наверху, опасность, раз так тихо сидит Эгон, я не хотела подводить его и тоже сидела, стараясь изо всех сил не шевелиться. Все было тихо, и я не понимала, почему мы сидим так, зажавшись под этим камнем... Как только я об этом подумала, сверху упал подожженный факел, хорошо, угодил не на сухой колючий куст, а на насыпь. И послышались опять голоса, я даже поняла, что грубый мужской голос сказал:

– Уходим, тут нету никого. Пора догонять, а то сильно отстанем от своих.

Другой голос ответил что-то, и я услышала, как человек пять, наверное, перекликнулись, и голоса стали удаляться.

Наконец Эгон расслабил руку и отпустил меня. Но я еще боялась что-либо сказать. Он тоже молча показал, чтобы я оставалась на месте, сам скатился к факелу, взял его и стал зарывать, чтобы тот потух. Как только факел потух, он положил его обратно. Потом тихо спросил:

– Ты сможешь тут посидеть тихо? Мне надо срочно к милорду вниз.

– Как это вниз, там же кабаны, они съедят тебя.

– Нету их уже внизу, если и есть, то не съедят меня, один я быстро сумею уйти от них. Понимаешь, пока наши сегодня там, внизу, охотятся, на замок сейчас нападут...

– Кто нападет, куда нападет?? Хватит вам уже это дурацкое кино играть, мне оно совсем не нравится, – затараторила я.

И он как взрослый мне скомандовал:

– Не ной, мне правда надо вниз. Оставайся тут и сиди тихо, я скоро вернусь.

Морщась от боли в ноге, он начал по насыпи скатываться вниз. Я глядела ему вслед, а на глазах собирались слезы. Я хотела плакать. Но какой-то черт дернул меня изнутри, и я стала тоже быстро скатываться вниз за Эгоном. Скатившись вниз, Эгона я не увидела, но пошла в ту сторону, куда он, хромя, шустро скрылся, и блин, это те самые кустарники, откуда выпрыгивали эти страшные и необычные кабаны, почему-то они их называли клыкастые. Не знаю, что двигало в эти минуты мной, но я ринулась вниз в эти кустарники, так как наверху были сплошные колючки, и на кусте увидела окровавленную повязку Эгона.

«Значит, он точно сюда пошел», – подумала я. И стала негромко звать его:

– Эго-о-н, Эго-о-н, ты где-е?

Шла по рву вниз, правая нога, что была босая, не давала мне двигаться быстрее, я не привыкла босиком ходить по камням, колючкам, и вообще ходить босиком. Наступив ногой на ост-

рый камень, я вскрикнула и остановилась. Посмотрев на ногу – по ней текла кровь – я не сдержалась и закричала:

– Эго-о-н, черт бы тебя побрал, куда ты убежал! Ну и беги себе. Я не буду тебя искать. И вообще я домой пошла, пошли вы все к черту!

И села. Посмотрела направо, перед моим носом рос куст, почему-то я на него засмотрелась, но он был какой-то необычный, не просто зеленого цвета, а ужасно ядовито-зеленого цвета. Я сильно зажмурила глаза, ну не бывают такого цвета кусты, и листья странные, разжала глаза – куст стал еще ярче, опять зажала глаза, разжала, я сидела на зеленом газоне, на пушистой и мягкой траве, рядом со мной рос красивый куст можжевельника, который полз по земле и спускался по склону. Сидела я в сказочном парке, где внизу ступенчатым каскадом спускалась туристическая дорожка к замку герцогов Алижуан. Позади меня по скалистому рельефу вела такая же широкая, красиво оформленная туристическая дорожка наверх, на обзорный балкон, который нависал над этой красотой, которая просматривалась внизу. Да я сидела в парке великого герцогства Алижуан.

Повернула голову в другую сторону, замороженная красотой, и меня кто-то начал трясти за плечи.

– Черт бы тебя побрал, чего ты тут расселась, я где сказал, чтобы ты сидела? – тряс меня Эгон и ворчал, как старый дед.

Я моргала глазами и не могла понять – что происходит? То видела Эгона грязного, рассерженного, переводила взгляд на куст – это был можжевельник, и сидела на мягкой траве, я не хотела возвращаться в ров, поросший колючками и ядовитыми кустарниками. Ударив Эгона по руке, закричала в ответ:

– Оставь меня в покое, отцепись от меня наконец.

– Я тебе сейчас отцеплюсь, вставай давай! – кричал он.

В глазах резко все поменялось, я сидела у ядовитого куста, с ноги капала кровь, Эгон тряс меня за плечи. Посмотрев назад, я увидела нависшую скалу, напоминавшую мне балкон обозрения.

– Эгон, какой ужас вы со своим кино наделали! Там внизу должен быть замок герцогов Алижуан, а там за вот этой скалой, а точнее, балконом, на второй возвышенности – замок графа Агело.

– Очнулась наконец-то?

– Это что, мы бегаем под мостом, который соединил две части города? А где сам мост? Его же видно со всех сторон?

– Какой мост?

– Большой, красивый, он был назван в честь герцогини Беатрис Алижуан. А вон с той стороны, – указала вправо пальцем, – должен быть еще красивее мост, он так и называется, мост графа Агело. Эго-о-н, блин, чего дурачком прикинулся и смотришь на меня такими глазами, как будто я сошла с ума? Двоечник, живешь на земле и в стране великих герцогов и не знаешь даже малого о своей земле.

– Ты точно ненормальная какая-то. Давай отрывай еще кусок от юбки, мотай свою ногу быстрее и пошли уже в низ. Милорд сказал, чтобы я тебя привел в крепость, они не могут за нами прийти. Все ушли укреплять замок.

– Зачем его укреплять, если его недавно отреставрировали?

Оторвав еще кусок от юбки, я заматывала ногу.

– Чего сделали? – спросил Эгон.

– Отремонтировали, если это сказать просто.

– Вот и говори просто, чего ты говоришь непонятными словами.

– Эх, Эго-о-н, ты меня удивляешь своей неграмотностью. Хотя я сама не вундеркинд, но простое-то знать надо.

Мы спускались медленно по склону рва вниз, и каждый раз, преодолевая колючие препятствия, я удивлялась все больше и больше, в мое сознание никак не укладывалось все то, что я видела неделю назад, гуляя здесь по парку, куда съезжаются миллионы туристов, чтоб полюбоваться красотой обоих замков Алижуан и Агело, которые были когда-то разделены не только большим рвом, но и впоследствии даже принадлежали разным государствам. Войны, которые соединяли и разрушали оба замка, а затем их перестраивали, расширяли. Но сколько бы веков ни миновало, они остались символами и гордостью великого герцогства Алижуан. Прославившего свое государство не только своими подвигами, но и очень справедливым правлением, оно до сих пор отличается высоким уровнем жизни во всей Европе...

Больше всего меня поражало то, что, снимая фильм по любой истории, невозможно изменить до такой степени декорациями местность и засадить так колючками все то, где совсем недавно росли ухоженные клумбы с цветами, подстриженные газоны, каскадной лестницей спускавшиеся к низу рва. Стоя на мосту, можно было лицезреть сказку сочетаний всех цветов радуги, а теперь что? Все разбито, как будто тут никогда и не было тех самых цветов, пушистой травы, и тех асфальтированных дорожек, которые вели аккуратно вниз, и по которым ехал маленький поезд на колесах, везя туристов, к замку на обозрение.

Как можно было ради кино все так разрушить, ведь я шла реально по колючему склону, и это была не декорация, а настоящая растительность. Правда, кабаны были непонятные, они не должны были гнаться за нами, а эти ж гады как собаки, прям по следам лезли вверх. Размышляя про себя, я медленно шла за Эгоном, мы оба хромали, но он сильнее, и поэтому тоже шел медленно.

– Эгон, мы что, заблудились что ли? – спросила я его.

– Почему заблудились, нет, можно было пойти прямее, но ты не сумеешь там пройти, и так идешь как бабка столетняя, все тебе мешает.

– Сам ты дед столетний, хотя я и не спорю. Сейчас я на все двести себя чувствую. Интересно, который час?

Эгон задрал голову кверху, повертел ею и ответил:

– Четверть после полудня, хотя наверно больше.

– Это сколько, значит? – переспросила я, не разобрав сразу такой ответ.

– Чудная ты, интересно, когда ты такой чудной стала, до того, как увидела клыкастых и от страха очумела?? Хотя, наверное, раньше, чтобы ты тогда голой по лесу бегала, – сказал он.

– Это вы чудные, совсем крышу снесло с вашим кино, перерыв-то в кино тоже бывает, а вы все играете и играете.

Он остановился резко, повернулся ко мне лицом и спросил:

– А как ты там возле двора Сальза сумела так закрытым ртом издавать столько голосов? Что даже Гор убежал?

– Эгон, ты сейчас про что у меня спрашиваешь? Что-то я не пойму. Что за двор Сальза?

– Ну там, недалеко от озера милорда. Это и есть двор Сальза.

– А-а-а-а, вон оно у вас как, все под названием. Тогда кто такой Гор?

– Гор у нас там управляющий.

– А это не тот, который с лицом вышибалы, типа хотел мне уши надрать? И самого куда-то как муху снесло?..

– Ты не ответила, как ты сумела так сделать? Или ты ведьма?

– Ага, ведьма, была бы я ведьмой, я бы вас всех в тот момент в лягушек превратила, нее, не в лягушек, слишком много лягушек под ногами, брр, тоже не очень хорошо. О, в бабочек и сачком по попе всем бы надавала.

– Чего бы ты сделала?

– Да так, это я уже фантазирую.

– Чего делаешь?

– Отвали, Эгон, со своим чего да как. И не прикидывайся, что ты не понял, что это музыка была с мобильного телефона.

Он посмотрел мне пристально в глаза. И сказал:

– Покажи еще раз, как ты там сделала?

Я сунула руку в карман юбки, мобильник, про который я совсем забыла, был все же в кармане. Достала и протянула его Эгону, он отступил дальше.

– Вот, на, сам смотри, чего отходишь, он же не стреляет.

– Нее, я лучше от греха подальше встану, а то потом замаливать устану твое злодейство.

– Да иди ты, сам злодей.

И начала нажимать на кнопки телефона. Нашла музыку и, бросив взгляд на Эгона, я обалдела от его вида.

У него глаза лезли на лоб. Он крестился, губы шептали, наверное, молитву, я не понимала слов. Из телефона раздалось:

– Du hast, (У тебя есть) Du hast mich, (У тебя есть я) Du hast mich gefragt (Ты меня спросила)...

Пела немецкая группа Раммштайн.

Эгон в ужасе стал молиться еще сильнее, упав на колени. Я выключила телефон, мне почему-то было смешно от его реакции. Играл он этот «ужас» просто великолепно, не зря ведь его взяли в артисты, в своем юном возрасте он все же умел воспроизвести реальный страх в лице, причем ни один мускул не выдавал, что он тоже хочет смеяться, как стояла и смеялась я...

Прошло минут десять, а он все чего-то шептал себе под нос.

– Эгон, ну хватит прикидываться, я уже поверила, что ты никогда не видел и не слышал, как работает мобильник.

Подняв голову, пацан посмотрел на меня перепуганным взором и стал тоже крестить мою сторону.

– Обалдеть, сумел удивить, пошли дальше, пока я не разревелась от твоих бешеных глазок.

Он встал с коленок, поднял с земли маленький камень и кинул его в меня. От такого действия я взбесилась и давай тоже брать камни с земли и кидать в него, крича:

– Зараза такой, ты что, думаешь, мне не больно? Думаешь, я не умею кидаться камнями? Гаденыш маленький, сам попросил и опупел. Первобытный идиот!

Кричала я и кидала все в него, что попадало под руки. А от обиды, что он так поступил, потекли слезы.

– Иди к ты черту, герой-засранец!

И развернувшись к нему спиной, бросилась бежать в обратную сторону.

Пытаясь по склону подняться снова вверх, я упала и опять ободрала колено, которое и так было содрано до крови. Лежа на животе, обхватив голову руками, я зарыдала.

– Вот сейчас ты плачешь как настоящая женщина, – услышала я голос Эгона. Он сидел на корточках рядом со мной.

– А до этого я кто была?

– Ведьма.

– Ты что с дуба упал, какая я тебе ведьма?

– Не знаю, но я кинул камень, хотел точно знать, будет тебе больно или нет.

– Ты дурак? Или вид делаешь, что не все у тебя дома, пульнул камнем – и не будет больно?

А тебе не больно, когда в тебя кидают камнями??

– Теперь вижу, что тебе было больно, ведь ведьмам больно не бывает. На то они и ведьмы.

– Обалдеть просто. У тебя точно крыша едет.

– Я тебя опять не понимаю, – сказал он. – Ну вставай, пошли в крепость, а то с тобой и до ночи туда не дойдешь.

– Я домой хочу, а не в вашу крепость. Скажи, куда идти к озеру, оттуда я найду дорогу домой.

– Вот же чумная, куда к озеру, там сейчас опасно. Вставай, идем. Может, утром тебя завтра милорд и отправит домой, а сейчас туда нельзя.

– Эгон, я правда устала от вашего дурацкого кино, и мне правда домой надо.

– Пойдем, не злись и не плачь. Но назад сегодня дороги нет.

«Вышла подышать утренним воздухом, называется. Это хорошо у меня отпуск, и меня сегодня, может, никто и не кинется искать, но завтра уже точно будут», – идя за Эгоном, думала я.

Спускались мы медленно, еще минут пятнадцать, проделывая путь по колючим зарослям. Наконец они поредели, и тропинка стала расширяться, пройдя еще немного к низу, мы увидели замок Алижуан. О Господи, он был то ли разрушен, то ли его строили с правой стороны, где было два одинаковых дома с пиками наверху, между которыми располагался ботанический крытый сад, в котором росли всякие экзотические растения, они были завезены чуть ли не со всего мира, самые необычные и самые красивые... Но сейчас пик на крышах домов не было, и сад, похоже, наполовину был только заложен, потому как стены были высотой всего лишь с полметра. «Мама родная, что происходит, где вся красота недельной давности? Ужас какой-то», – думала я.

Эгон остановился, оглядел меня с ног до головы и произнес:

– Ты не можешь так туда зайти.

– Как это так? – тут же спросила я.

– Голой, тебя же там ни один мужик не пропустит, чтобы не потрогать и не затянуть в какую-нибудь конюшню.

– Блин, я не голая, хватит уже издеваться.

Он снял с себя рубашку и протянул мне, сказав:

– Надень!

Мне не хотелось ее надевать, но я молча взяла рубаху из его рук, которая пахла потом, и начала натягивать на себя, хоть на Эгоне она была свободна по размеру, мне она все же не сходилась в области груди, и, как назло, в этом месте не было ни пуговиц, ни шнуровки, он посмотрел и сказал:

– Нет, так тоже не пойдет, тебе придется тут остаться, а я пойду к нам и что-нибудь принесу тебе надеть.

– О Господи, что ты прицепился к моей одежде, маленький извращенец!

Он подвел меня к камню, усадил насильно и строго сказал:

– Сиди тут и ни шагу отсюда не делай, я скоро вернусь.

– Эгон, я боюсь одна тут остаться.

– Не бойся, тут не опасно, и сейчас здесь никто ходить не будет, все сейчас в другом замке. – и так просяще произнес: – посиди, хорошо?

– Ну раз никого нету, почему я не могу с тобой вместе пойти?

– Нет, там, внизу, есть, конечно, люди. Поэтому в таком виде тебе туда нельзя. Я не сумею тебя защитить.

Я устала и спорить с ним уже не хотела.

– Хорошо, иди, только, пожалуйста, недолго, я подожду тебя тут.

Он кивнул головой и пошел, хромя.

Я сидела на камне, мысли все были в ступоре, голова отказывалась что-то думать или предполагать. Каша, которая сейчас была в голове, просто пугала тем, что я одна, фиг знает где, где все разрушено, да еще Эгон запугал какой-то опасностью, которая так и кишела вокруг,

от всего этого мне было не по себе... Кажется, минуты стояли и время не шло, так как Эгона не было видно. Взгляд замер в одной точке, куда удалился пацан.

Сидя на своем месте, мне казалось, весь лес видит меня, как я дрожу от страха, и мой желудок запел, дал понять, что я голодная, а может, тоже выл от этого ужаса? На камне сидеть было неудобно от его корявости, мой зад онемел, я спустилась с камня и уселась на траву рядом с тропинкой, слава Богу, здесь не было этих колючих кустов. Оглядевшись, увидела неподалеку кустик земляники, на котором висели три спелые ягодки, странно, весна и ягодки, не знаю, почему, но они меня обрадовали. Как столетняя старушка я поднялась с места и налетела на эти три ягодки, сорвала их и, положив на ладонь, перекатывала их, любуясь, как будто тоже землянику видела впервые, но это, то что действительно было мне родным и знакомым в этом страшном незнакомом месте, хотя замок, который возвышался там, в низине, был мне тоже знаком, но увы, сейчас он казался совсем далеким и страшно опасным... Я засмотрелась на эти три красненькие ягодки, от них действительно шел аромат земляники, я вдохнула запах и как-то от этого стало по кайфу, на миг забыла о страхе. Положив одну ягодку на язык, я хотела почувствовать вкус ее аромата, на секунду задержала земляничку на языке, затем покатила ее по рту, но увы, аромат пропал, прокусила – вкус был непонятный, видно, маленькая слишком, и я отправила в рот и те две, которые были еще на ладошке, разжевала, но ни кислоты, ни сладости я так и не ощутила, зато услышала:

– Ты что делаешь, выплюнь сейчас же, это же сон-ягода паралич.

Передо мной стоял светлый мужчина, который был на озере с моим Рыцарем, он подошел, наверно, крадась, так тихо, что я не слышала ни единого шороха с его стороны.

И от неожиданности на это «плюнь» у меня последовала обратная реакция, и я сглотнула их. Потом встала, и не знала, как вести себя. «Кто он, враг, друг, почему все где-то, а он тут?» – спрашивала я себя, будто в себе найду ответы. Он заметил мое волнение. Протянув руку вперед, показывая, что он не тронет меня, произнес:

– Не бойся меня, Эгон не придет, его я отправил к Эльзе, чтоб она его ногу посмотрела, что -то слишком пятка его выглядела нехорошо. Это он мне сказал, где ты его ждешь. Поэтому я пришел за тобой.

Он протянул мне замотанный небольшой сверток.

– Что это? – спросила я.

– Это то, за чем Эгон пошел в крепость, надень на себя.

Я развернула, это была большая широкая длинная рубаха из грубой материи.

– Вот одно не понятно, – сказала я. – Почему это вам всем вид моей одежды не нравится, почему я должна это надеть?

И тут же мелькнула мысль в голове: «Сектанты, наверно, какие-то, и оголенные плечи – это грех.» «Тьфу ты, еще нагоняю сама на себя страху», – тут же опротестовала свою мысль.

Он поглядел на меня и спокойно сказал:

– Мне вообще-то все нравится, но видеть женщину в лесу почти голой, согласишься, это как-то неожиданно.

– Я не голая, одета, как и все, жара же днем как летом. А вы тут заигрались по ходу до умопомрачения.

– Тебя как звать, какого ты рода?

– А что, Эгон не сказал, как меня звать, раз уж рассказал, где я его жду?

– Он забыл твое имя, сказал, такое же странное, как и ты сама.

– Миледа, и что в этом странного?

– Артур.

Произнеся имя, он сделал такой грациозный жест, правую руку приложил к сердцу, и как бы в легком поклоне склонил голову за рукой. Жест рыцарей при знакомстве, подумала я. Красиво.

– А имя у тебя не так странное, как необычное, впервые слышу такое имя.

– Зато ваше имя очень даже популярно, – в ответ сказала я.

– Ну что, Миледа, добро пожаловать к нам в крепость. Я так думаю, что вы не из наших краев?

– Спасибо, сударь, как вы догадливы, – как-то странно оба перешли на «вы».

– Да это слышится по разговору, у нас так не разговаривают.

– Ну да, я тоже заметила, что я вас не всегда понимаю. Артур – имя киношное или реальное?

– Вот и я не всегда вас понимаю, о чем вы говорите? – ответил он мне и взмахнул рукой, показывая, что пропускает меня вперед, я прохромала мимо, но идти впереди и чувствовать, что в спину мне дышат, как-то не хотелось. Весь путь до этого места я все время шла за Эгоном.

Идти в длинной грубой рубахе было неудобно, я как японка семенила ногами, так как грубая ткань кололась и ссадины пекли, тело чесалось. Ох, подумала я, не надо ко всем этим неудобствам сейчас прислушиваться, а то не выдержу и расплачусь.

– Артур, расскажите хоть, что за фильм снимается? И какая роль у вас во всей этой истории?

– Вы знаете, Миледа, я сейчас даже не могу вам ответить, так как не понимаю, о чем вы спрашиваете? Что означает – фильм?

– Да ладно, я про кино спросила.

– А что значит ваше кино?

– Мое? В отличие от вас я не артистка, в кино не играю, как вы.

– Кажется, мы говорим на разных языках, хотя в округе я все диалекты языка знаю и понимаю, а вот на каком говорите вы, я даже и не предполагаю. Поэтому мне непонятен ваш язык.

Голос у него был ровный, спокойный, он говорил, чеканя каждое слово. Наверное, для того чтобы я его могла понять.

– Артур, не прикидывайтесь сейчас, вы же в кино снимаетесь?

– Нет, наверное, я же сказал – не знаю, что означает кино, объясните мне его значение?

– Офигеть, ну вон замок разрушен, это ведь декорация к фильму?

– Почему разрушен? Он строится.

– Ну да, по сюжету, может, и строится, а на самом деле ему уже почти пять веков. И вон там мост должен быть, который объединяет два замка. А сейчас его почему-то нету. Где он, Артур? Его ведь видно отовсюду было...

Я оглянулась, Артур остановился, глаза были у него расширены, как будто в этот миг он услышал страшную весть. Я тоже остановилась, повернулась, и пока он стоял в оцепенении, разглядывала его наглым образом. Он был темный блондин с ярко-голубыми глазами, острый нос, тонкие губы, был гладко выбрит, и от лезвия был на щеке свежий порез, волосы были не стрижены, спадали до плеч, стройный, с благородной осанкой, среднего роста, одет был в льняную рубашку, с одной стороны она заправлена в черные вельветовые брюки, с другой провисала, одевался, наверное, в спешке, и почему-то в такую жару был в сапогах, которые все время хрустели, когда он шел. Хоть и погода стояла летняя, видно, костюм был все же по сюжету фильма, подумала я.

– Миледа, сколько, говорите, нашему замку?

Он это сказал тихо, почти шепотом.

– Почти пять веков. А может, еще больше, а может, маленько меньше, я честно скажу, когда была на экскурсии тут, и гид называл годы его постройки, я не вникала в это, потому что всегда даты забываю. Старею, наверно, память теряю потихоньку, – ухмыляясь, ответила ему я и продолжила, повысив голос: – что вы на меня так смотрите, как будто у меня рога растут на лбу?

– Да нет, не растут, просто вы меня сильно удивляете своей речью. Кто вы?

– Кто, кто, я уже сказала, кто я.

– Вы ведьма?

– О-о-о. И этот туда же. Обалдеть. И не вздумайте, как Эгон, кидать в меня камни, проверяя этим, больно мне или нет. Уж поверьте на слово – мне больно.

Артур рассмеялся, смех у него был действительно хохотом от души.

– Это что, Эгон кидался камнями, проверяя, ведьма или нет?

– Ну да.

Улыбаясь, Артур посмотрел мне прямо в глаза пристально и сказал:

– Ведьму лучше всего сжечь, а не камнями закидывать.

– О, еще лучше, кажется, у вас у всех крыша едет. Чего вы курите, сэръ?

– Чего делаем?

– Спрашиваю, какую траву курите? Что ведьмами кажутся все, кто мимо проходит?

Он пожал плечами, делая жест следовать дальше.

Я развернулась к нему спиной и медленно пошла по тропинке, ведущей к замку Алижуан, хотя фиг знает, что это за замок, раз он в разрушенном виде. Мы почти уже подошли к каменной стене с восточной его стороны. Стена была примерно метра три или четыре в высоту, если обойти эту стену в противоположную сторону, то там, по идее, должен быть обрыв, который подпирался казематом, наверняка для большего устрашения когда-то заключенных в нем узников, а за стеной расположен двор, красиво ухоженный. В глазах все почернело, я иду по двору, почему-то представляя, как тут когда-то ходила герцогиня Алижуан в красивом длинном платье, всегда приподнимая его то двумя руками, то одной, чтобы не мешало ходьбе, а рядом с ней такой важный, сильный, красивый муж – герцог Алижуан.

Я, смеясь, говорю вдаль, но не вижу, кому:

– Они были счастливой и красивой парой, недаром народ ими восхищается. До сих пор в честь их многие называют своих детей, надеясь, что они так же будут счастливы в будущем, как и чета Алижуан.

Мне было так хорошо, я стояла среди цветущих красных роз. Их было столько всяких сортов, посаженных в клумбы, как будто самые лучшие дизайнеры соревновались в оформлении этого двора.

Как только мне становилось хорошо, меня почему-то начинали трясти, теперь меня за плечо тряс Артур, а я держала его под руку, он смотрел мне в глаза и что-то говорил, я не слышала его, я слышала голоса туристов, с кем я стою во дворе дворца на экскурсии неделю назад. Но меня явно трясло, такое чувство, что голова сейчас оторвется от моей тонкой шеи.

– О Господи, она безумна... – услышала я голос Артура.

Я еще пару секунд не могла понять, что происходит, то я во дворе стою, то за стеной замка перед обезумевшем Артуром.

– Э-э-й, эй перестань меня трясти, голова оторвется от твоей силы.

Но глядя, как он причитает о спасении, я запела, ну не дура ли, чем окончательно добила и так офигевшего мужика:

– Позови меня с собой, я приду сквозь злые ночи, я отправлюсь за тобой, что бы путь мне ни пророчил. Я приду туда, где ты... А-а-а-а! – закричала я. Этот идиот связал мне руки и совал в рот вонючий кляп, сделанный из сумочки в виде кисета, которая была заправлена в голенище сапога.

– Сейчас еще завяжу твои дьявольские черные глаза. И когда твои бесы начнут просыпаться, мы тебя сожжем, – причитал он.

Из моего рта выходило только мычание.

Он снял с шеи кожаную ленту, на которой висел, как мне до этого казалось, медальон, но под рубахой мне не было видно, что это, но теперь я видела – на ленте был подвешен нож.

Вынув нож и сунув его в голенище сапога, Артур лентой стал завязывать мне глаза. Я сопротивлялась, изворачиваясь и пытаясь отвернуться. Обтираясь ртом об его руку, удалось избавиться от кляпа, и я заорала:

– Вот мужики пошли чокнутые и трусливые как зайцы, ничего им не скажи!

Я упала на спину и давай ногами отбиваться от его попытки снова засунуть мне кляп в рот. Он был, конечно же, ловчее и шустрее, перепрыгнул через меня, и, пока я сообразила развернуться, он приподнял меня сзади, обхватив за горло и придавив так, чтобы я все же могла дышать, стал на глаза мне мотать свою ленту, конечно, мне пришлось их закрыть, боялась, что еще попадет в открытый глаз и глазу будет капец. Потом скомандовал:

– Рот открой, а то я тебе его ножом открою.

– Артур, я обещаю, буду молчать, только не суй мне эту вонючку в рот.

– Открой рот, я сказал...

Однако сказано было угрожающе. Что мне оставалось делать, открыла. И этот гад засунул мне свой вонючий кляп.

– Теперь вставай, пошли, – опять скомандовал он.

– Мм-мм-мм, – опять мычала я, пытаюсь сказать – фиг я пойду, тем более меня жечь кто-то обещал.

Я опять легла, давая понять, что идти я не намерена.

Он схватил меня за связанные руки и в две секунды поставил на ноги, потом подтолкнул, чтобы я шла, но я упиралась, кто знает, если они так на меня болезненно реагируют, что меня там за этими стенами ждет...

Он наклонился и плечом своим как бы дал мне под дых, я согнулась, повязка съехала с глаз он как мешок с картошкой перекинул меня через плечо и зашагал к воротам в замок. Я весила пятьдесят шесть килограмм, а он шел, как будто нес трехкилограммовую утку с охоты. То ли кровь ударила в голову, вися головой в низ, то ли страх меня съедал уже, но в глазах на какой то миг все помутнело, я могла слышать, видеть но тело стало не послушным, меня как будто парализовало.

Глава 4

Со стены за всем происходящим все же наблюдали. Потому как на встречу Артуру выбежали на вид двое крепких парней, одетых тоже в старинные одежды.

– Артур, это та ведьма, которая на дворе Сальза была? – спросил парень в серой рубахе и с луком в руке.

– Кто сказал, что это ведьма? – ответил Артур.

– Так все уже говорят. Кто вернулся оттуда.

– Кто все, я еще ничего не сказал.

Второй парень, тоже в серой рубахе, но с мечом в руках, добавил.

– Давай, Артур, мы поможем тебе.

– Спасибо, Тор, я справлюсь. Она не такая и тяжелая.

– Куда мы ее: в яму или сразу на костер? – спросил первый парень.

– Эд, уясни, пока Винцент и Генри сами что-либо не решат, мы самовольничать не будем, понял?

– Понял, – ответил Эд. – Так куда ее отнесешь? Ты не сказал.

– В большую башню, – сказал Артур.

– Как в большую? – переспросил Тор. – Там ведь комнаты для гостей.

– Там есть комната и не только для гостей, забыл?

– Так туда обычно сажают провинившихся воинов, – тут же ответил Тор.

– А мы не знаем, кто она, поэтому пока я ее несу туда.

Эд шел позади нас с Артуром и все время, наклоняясь, пытался рассмотреть меня.

– Артур, она не живая? – спросил он, когда своим луком поддел меня за руки и тут же отпустил, руки мои болтались без всяких сопротивлений.

– Ну я б не сказал, что она не живая, но сейчас не опасная, это точно. Ну, что там в верхнем замке слышно? – тут же задал он вопрос парням.

– Да пока все тихо, но все наготове. Милорд послал отряд разведки, чтоб узнать, кто готовит нападение, но пока он не вернулся, – ответил Тор.

Эд все так же меня рассматривал висевшую на плече у Артура, в наблюдательности ему было не отказать. Рассматривая болтавшиеся руки, на которых был сделан свежий маникюр по последней моде, с френчем, с лаком хамелеон в тон, в разброску вставленными серебряными камешками, и только на безымянных был добавлен рисунок в виде завязанного светло-желтенького бантика, сказал:

– Артур, у нее руки нежные, не как у наших женщин, ногти странные, два сломаны, правда, но остальные какие-то не как у всех, точно ведьмовские, даже переливаются как-то странно. А глаза как у ведьмы, вытаращенные и смотрят как будто нас хотят сжечь.

Тору тоже стало интересно, он пропустил Артура вперед, приподнял мои руки, и, рассматривая ногти, сказал:

– Точно нечистой силой несет.

Артур остановился и сказал парням:

– Ну-кась, нате, тащите ее, и вы увидите, что она такая же, как все, теплая, живая и даже пахнет чем-то.

Эд немного

отступил и произнес:

– Артур, а мы сможем потом замолить грех, что касались этой нечисти?

– Я сказал, взять ее, а не спорить со мной. Эд, подставляй плечо. А лучше нет, возьми ее на руки и неси до моста, потом передашь Тору, ясно? Тор, у моста ее возьмешь и отнесешь в большую башню, ты отвечаешь головой за нее.

Оба парня чуть не закричали:

– Артур, а ты куда??

– А я скоро вернусь и посмотрю, как вы выполнили приказ. Запомните, вы за нее отвечаете головой.

Взвалил меня Эду на руки и ушел по склону вверх.

Неся меня, Эд чуть ли не дышал. Он много слышал о ведьмах, как они бесовали и как их сжигали на кострах. Но больше всего он сейчас боялся, чтобы я не очнулась, он просто не знал, как вести со мною, если я начну причитать свои заклятия. Тем более, Артур сказал, что за меня отвечают они головой. Все это он шепотом рассказывал Тору, потом спросил:

– Тор, как думаешь, она в обмороке или по-дьявольски сейчас спит с открытыми глазами?

– Мало говори, Эд, давай быстрее иди, а то если очнется, гореть нам в аду с тобой.

– Тор, давай вместе нести, она хоть и не тяжелая, но, гадина, уперлась носом мне в шею, я даже дышать не могу. Ты за ноги ее бери, а я за руки, так быстрее донесем.

– Давай, клади ее на землю.

Эд осторожно пригнул колено и стал тихо укладывать меня на землю, я была как мертвая и не шевелилась.

Взяв меня за руки, а Тор за ноги, они быстрым шагом направились к воротам, уже у ворот народ побежал навстречу, кто с вилами, кто с граблями, кто просто подхватил камень. Парни остановились, так как поняли, что стена, образовавшаяся из людей, сейчас не даст им пройти, сильно воинственно все выглядели. Тор опустил мои ноги, вышел вперед Эда и своим громким командным тоном произнес:

– От имени милорда и его светлости Генри, мы должны ее доставить в башню целой и невредимой, поэтому расступитесь, и, если не хотите гнева милорда, займитесь все своим делом!

Как ни странно, все ворчали что-то, но расходились все же медленно, всем хотелось рассмотреть ведьму, которую несли сейчас в башню два воина. Спорить с Тором никто не хотел, он оказывается замещал Артура, когда того не было в крепости.

И только Эд тихо сказал:

– Ты чего соврал народу, ни Винценти, ни Генри не знают, кого мы несем в замок.

– Эд, заткнись и иди быстрее.

Донеся меня до башни, Эд крикнул женщине, которая мела двор

– Крис, открой двери.

Та не бросила метлу, а, как бы закрываясь ей, подошла к двери башни и открыла ее, сама же отступила подальше.

Это была большая западная башня, в ней на первом этаже располагались комнаты – одна маленькая для провинившихся воинов, с металлической решетчатой дверью, по кругу влево были еще две комнаты, но двери были закрыты полностью. На правой стороне, прямо напротив входа в башню, стоял дубовый стол с лавками, на которых сидели два здоровых охранника. Еще левее была винтовая лестница наверх.

Тор и Эд затащили меня в башню, оба охранника встали и кинулись им навстречу.

– Тор, тут уже весь замок всполошился, что ведьму к нам вы несете, – сказал один из них.

– Открой двери этой комнаты, – Тор показал на решетчатую дверь.

– Туда? – удивился второй. – В яму ее несите лучше.

– Я сказал эту открыть, – прорычал Тор.

Один охранник кинулся отмыкать дверь, из комнаты заключенный под стражу молодой парень начал кричать:

– Я не буду с ведьмой в одной комнате сидеть! Выпустите меня тогда отсюда! Тор, тебя моя мать проклянет, увидишь!

– Патрик, еще слово и получишь пятьдесят ударов розгами, – сказал Тор. – Ян, закрой его там и открой первую комнату.

Ян, крепкий здоровый парень, одетый в черную рубаху и такого же цвета штаны, заправленные в сапоги, поверх рубашки надета жилетка, быстро замкнул комнату и бросился бежать к первой от входа слева комнате. Он быстро отомкнул дверь и сказал:

– Тор, тут обычные окна, когда она придет в себя, то запросто может уйти через окно, это же комната для прислуги гостей.

Тор и Эд молча внесли меня в комнату и положили на кровать. Тор развернулся к Яну и сказал:

– А кто вам сказал, что она заключенная? Запомните, мы за нее отвечаем все головой, поэтому ты остаешься здесь, Лако, а ты, Ян, встанешь у окна, и ни одного человека не подпускать к окнам, пока не вернется Артур.

Лако все время молчал, на вид он тоже был здоровый, крепкий, высокий, черноволосый, бородатый парень, может, из-за бороды он казался старше Яна. Он молча кивнул. И подошел к двери. Как только вышли во двор Тор и Эд, Лако стал крестить комнату и что-то тихо шептать. Затем быстро подбежал к окну, и крикнул:

– Тор, а что с ней, ты не сказал? Она больна, спит или без чувств? Если очнется, как нам себя вести? Если она настоящая ведьма, то ей и дверь не преграда, а окна тем более. Посмотри какие чертовы у нее глазища.

– Лако, молись Богу, чтоб быстрее вернулся Артур. Нам велено ее охранять, вот мы и будем охранять, Артур сказал, он скоро вернется, значит, скоро он будет тут! Мы с Эдом у ворот, если что.

Лако молча кивнул и пошел обратно к двери. Проходя мимо Яна, пробурчал:

– И чем мы с тобой прогневали Бога, что ведьму нам охранять надо.

Ян стоял у окна и все время смотрел в него. Крис, которая мела двор, спросила:

– Ян, где это видано, чтобы ведьму охраняли? Мы ведь всем двором такой грех не замолим.

– Крис, знаешь, я сам сейчас об этом же подумал. Но это веление милорда и его светлости Генри, и мы должны выполнять, что нам скажут. Иди, занимайся своим делом и не мешай мне, я сейчас на посту.

Крис хмыкнула и пошла видно дальше мести двор, так как от подметания пыль влетала в окно. А я проваливалась сознанием в черную дыру колдуна Морфея, который уносил меня со скоростью звука, в свои владения.

Глава 5

Солнце уже садилось за горизонт, и в комнате было ярко от этого заката, я почувствовала на себе пристальный чей-то взгляд. Открыв глаза, я не поняла, где нахожусь, почему связаны руки, подняв свои не послушные обе руки и протерев глаза от яркого освещения, да от пристального взгляда мужчины, который стоял, склоняясь надо мной, я еще раз протерла глаза, но ничего не менялось. Присев на кровати, теперь тоже смотрела пристально в ярко-синие глаза моего рыцаря с озера, от солнечного света в его глазах отражалось небо, да, то самое небо, которое я видела у себя во дворе. Только смотрев в его синие глаза, стала замечать, что они меняют свой цвет и как будто зеленели.

«Ох какие выразительные глаза, они просто сводят с ума», – подумала я. Наверное, в гневе они зеленые и способны гипнотизировать собеседника, и тем более собеседницу.

Брови были вздернуты, придавая сейчас взгляду немного сердитости, между бровей морщинка углубилась, под глазами маленькие припухлости говорили, что он устал или же мало спал, нос прямой еле заметно играл крыльями, мне так и хотелось схватить его за нос и тихонько подергать, чтоб он не злился. Усы, которые слегка прикрывали верхнюю губу, были идеально подстрижены, но при этом не давали мне понять, хочет он улыбнуться или все же это у него такое выражение сердитости, подбородок был побрит. Тонкие, но заостренные черты лица способные в секундный срок превратить в чертовски опасного и решительного мужчину. Волосы светло-каштановые, средней длины, на висках волосы были с проседью. Широкоплечий, статный, высокий, грациозный и элегантный, в его красоте есть что-то дьявольское, но именно эта загадочность и притягивает, как магнит, к себе.

Он стоял и пристально смотрел мне в глаза.

– Где я?

– А мне кажется, ты все знаешь, и даже где ты сейчас, – сказал он мне в ответ.

– Вообще-то я не ясновидящая.

– Вот и скажи мне, кто ты?!

– Ах, ну да, мы еще не знакомы, меня Миледа звать. А вы кто?

– Винценто вен Агело, – ответил он.

О, как это было произнесено, как будто сам король Монако сейчас стоял перед мной.

«Вот вошел в роль, прям вжился в нее. Мм-да-а-а уж», – подумала я.

– А руки вы мне не хотите развязать? Я их уже не чувствую, так онемели.

Он вынул из голенища кинжал и разрезал ремешок, которым были связаны руки. Онемевшими руками я трясла во все стороны, чтобы кровь быстрее потекла по жилам, и, не отрываясь, смотрела на рыцаря. Он отошел к окну и что-то скомандовал кому-то, я не поняла, о чем и кому. Затем развернулся и опять, пристально смотря мне в глаза, сказал:

– Я намерен сегодня получить все ответы, так что не тяни, иначе я прикажу тебя наказать! Я слушаю внимательно!

– Обалдеть, а я читала, что графы были справедливыми, только не говорите мне, что я ведьма, а то я крикну громко. Милорд, дайте мне прийти в себя, я еще сама не понимаю. Где я, кто вы, чего вам от меня надо? И вообще я пить хочу.

Он опять развернулся к окну и скомандовал. Опять не поняла, что он там сказал. Но открылась дверь, и вошел какой-то бородатый парень, протянул мне в деревянном ковше воду.

– Спасибо, – произнесла я и начала жадно пить воду. Парень, крестясь, вышел.

Напившись воды, я хотела встать, чтобы поставить ковш, но рыцарь подошел и взял с моих рук ковш, сам поставил на стол.

Пододвинул табурет к кровати, сел, закинув ногу на ногу, и произнес:

– Слушаю теперь.

– А что вы хотите услышать? Я что-то вас не пойму.

– Абсолютно все!

– Поясните.

– Начни с того, кто ты и откуда.

– Я уже сказала, меня звать Миледа, то, что у меня разговорная речь не такая как у вас, так я родилась в России, и поэтому ваш язык мне не родной, а приобретенный, и ваши диалекты я не понимаю.

И глядя в его синие глаза, я заметила, как они зеленели, мне что-то стало не по себе. Он явно злился, но выдавало это только цвет его глаз. Так как ни один мускул на лице и выражение не менялось.

– Послушайте, товарищ, как вас там, Винценти, мне уже это не нравится. Там у озера вы дали слово чести, и я была удивлена сильно, что вы оказались настоящим рыцарем в моем понимании. Но сейчас я уже не понимаю вас. Вы меня, что, в заложники взяли?? И держите тут? Так уверяю вас, у меня нет миллионеров-родственников. Я не ценный экземпляр, уж поверьте.

И я заметила, как он улыбнулся, улыбка ему очень подходила.

– Я бы так не сказал, что ты бесценна совсем. А теперь мне хочется знать правду, откуда тебе известны планы, даже те, о которых еще никто не знает??

– Это какие такие ваши планы я знаю?

Он поднялся, взял меня за руку и повел к окну.

– Вон там что строится? – показал в сторону, где по идее был сад.

– Ну, насколько мне известно по истории, там строится ботанический сад.

– Вот, а теперь скажи, откуда ты это знаешь??

Тут уже я вытаращила на него глаза и не могла понять, чего он прикидывается.

– Да это не только я знаю, а весь мир знает об этом ботаническом саде. О нем и в истории пишут, и в рассказах о путешествиях, и фильмов миллион уже о нем есть.

И, показывая немного левее, сказала:

– А там мост должен быть, именем Агело назван, только его почему-то сейчас нету. Хотя его видно отовсюду всегда, из-за его четырех колонн.

Он рывком меня дернул за руки, и я в момент оказалась на кровати опять. Он молча сверлил меня своими уже зелеными глазами.

Я тихо уселась в угол, мне что-то становилось страшно от этого пронзительного взгляда. А сама взяла и ляпнула:

– А вы что, в школе не учились? Раз такого самого простого не знаете?

Наверное, этим своим вопросом я его озадачила. Он отвернулся к окну, постоял так несколько секунд и, развернувшись, ко мне сказал:

– Давай так, ты мне подробно расскажешь, о чем там мир знает, а я тебя за это помилую и не дам сжечь на костре.

Я поняла, что он тоже думает, что я ведьма. Ну поскольку я обещала, что закричу громко, стала кричать во все горло, аж зажмурился глаза:

– А-а-а-а-а-а-!!!

Потом глянула на него, он, улыбаясь, смотрел на меня.

– Не смешно, понятно! – сказала ему и зачем-то показала язык, не знаю, какая-то идиотская выходка, которой сама не могла дать объяснения.

– Без моего разрешения здесь даже дверь не откроется, хоть сколько кричи.

– Я передумала уже кричать.

– Вот и правильно.

И тут же спросил, чем меня удивил.

– Есть хочешь?

Подумав, чего бы это значило, такая забота, все же ответила:

– Хочу.

Как ни странно, есть я все же хотела. Даже в животе уже временами урчало.

Он опять подошел к окну, что-то сказал кому-то. Я услышала удаляющийся бег, и только.

– Ну а пока рассказывай. Значит, ты родилась в России?

– Да, – ответила ему я.

– А как ты сюда попала?

– Очень просто, как все, на самолете.

– На чем? – тут же спросил он.

– На самолете, – повторила я.

– А что это такое?

Ой мама, подумала я, точно сектанты древние какие-то, раз не знают, что такое самолет.

– А вы в небо смотрите иногда? – спросила я его встречно.

– Иногда смотрю, и что?

– И что, никогда не видели, как там пролетают самолеты?

Он сидел напротив меня, и глаза его заметно расширились.

Потом добавил.

– Тебе надо поесть, после той сон-ягоды у тебя, видно, видения дьявола.

Дверь отворилась, и тот же бородатый парень занес корзину, поставил на стол, что-то сказал на своем непонятном языке и вышел.

– Идем к столу, – сказал Винцентио.

Я слезла с кровати и пошла к столу, он вытаскивал из корзины хлеб, топленое масло в горшочке, одну жареную рыбу средней величины, похожую на форель, луковицу, яйца и смешной формы бутылку, не знаю, чем наполненную. Убрав корзину со стола и пододвинув табурет, сказал:

– Садись, кушать.

– Спасибо, – и села на табурет.

Он же опять отошел к окну, облокотился и молча стал наблюдать.

– А сколько времени я спала? – спросила я его.

– Почти сутки, – ответил он.

– Как сутки? – чуть ли не выкрикнула я

– А сколько ягод ты съела?

– Каких ягод?

– Ну там, у большого камня, где Эгона ждала?

– А, землянику, ее только три ягодки было. Так мало, что я даже вкуса не почувствовала.

– Это сон-ягода паралич, а не земляника, хотя очень на нее похожа. Спасибо скажи, что их так мало там было, а то бы давно спала

вечным сном.

– Спасибо, – сказала я и стала разрывать хлеб, поскольку он не был нарезан и ножа не было, взяла рыбу, положила на деревянную миску, которая стояла на столе, и стала руками ее разделять и отправлять себе в рот, ни вилки, ни ножа не было, лежала только деревянная ложка, видно, для масла.

Он опять достал из голенища сапога свой кинжал и рассек луковицу. Обалдеть, подумала я. Но сырой лук мне на дух не надо было. Рыба была вкусной, а может, я была сильно голодной, хлеб был мягкий, вкус обалденный просто. Открыв бутылку, Винцентио взял ковш, выплеснул в окно оставшуюся воду и налил туда содержимое бутылки, подал мне.

Запахло кислым.

– Что это? – спросила я его.

– Вино, пей.

Отхлебнув вина, меня аж передернуло, такое оно было кислое. «Уксус, блин, – подумала я, – а не вино, брр, не люблю вообще вина». Но не стала показывать, что мне это не нравится.

Отхлебнув для приличия еще пару глотков, я почувствовала, как тепло стало растекаться по моему телу. Я слегка опьянела.

– Кажется, я сейчас от вашего вина опять усну на сутки, и тогда меня будет разыскивать полиция.

Он взял ковш с вином из моих рук, произнес:

– Точно, теперь я вижу, что хватит тебе пить. Ешь лучше.

Но съев почти рыбу до конца, я была уже сыта. Сейчас мне хотелось лечь опять в кровать и уснуть, легкое головокружение в голове делало тело слабым. И чего меня опять понесло, сама не знаю. Хотя, как не знаю, знаю, терпение лопалось, но натура есть натура. Слегка краснея, сказала:

– А где у вас тут комната личной гигиены?

– Какая комната?

– Ну ладно, не личной, а общественной?

– Я не понял, какой комнатой ты интересуешься?

– Ну вот блин, все надо сказать прямым текстом. Туалет, говорю, где?

Смеялся он красиво и очень заразительно. Я тоже засмеялась. Но смех смехом, но естество давало знать. Тут он стал отходить к двери, при этом рукой указал в другой угол, который был шторкой отгорожен, и снизу виднелся горшок. У самой двери сказал:

– Я скоро вернусь, и не смей спать.

Сам быстро вышел.

Подойдя к углу и отодвинув шторку, я уже не смеялась, там правда стоял горшок и ничего другое не было. Я бросилась к двери, стала кричать, колотить по ней.

– Послушайте, это уже издевательство, так не честно. Откройте, блин, дверь. Я буду на вас жаловаться.

Из-за двери донеслось:

– Делай свое дело, иначе будешь это делать при мне.

– Изверги, извращенцы чертовы! – кричала я, тарабаня в двери. В замке опять заклацало, и я поняла, что он возвращается и мне действительно придется справлять нужду в его присутствии, снова заорав:

– Не входи, придурок, а то горшком получишь по тылке своей извращенской.

Услышала в ответ смех, но дверь не отворилась, мне пришлось идти в этот чертовый угол с горшком.

Выглянув в окно, я увидела здорового парня, который стоял напротив окна и сверлил меня своими глазами.

– Чего вытаращился? – крикнула я ему от злости.

Он только перекрестил три раза окно, а может, меня, что-то крикнул на непонятном опять диалекте, и в этот момент дверь отворилась, вошел снова Винченцо.

– Отойди от окна, иначе я прикажу, чтобы тебя посадили в яму, там нету даже горшка. Помни об этом.

– Вот скажите мне, сударь, я что, пленница? И по какому праву, вы меня держите тут?

– Я не отвечу на твой вопрос, пока не узнаю, откуда ты знаешь все о наших планах замка.

– Опять двадцать пять, да не знаю я о ваших планах ничего, и мне не нужны они, у меня своих хватает и планов, и проблем. А одна проблема сейчас смотрит мне в глаза и прикидывается тут чуть ли не владыкой мира сего.

– Садись! – указав пальцем мне на кровать.

Я прошла опять к кровати, села в угол, хмель потихоньку, видно от злости, стал из меня выходить.

– Послушайте, я правда ничего не знаю, ни о вас, ни о ваших планах, там у озера я ведь поверила в ваше слово чести, так вот и в мое слово чести поверьте!

– Вот в твоей чести я сейчас очень сомневаюсь, потому как услышал обратное, ты знаешь то, что строим мы между башнями, и о мосте еще никто не знает. А ты говоришь о нем, как будто видела все чертежи.

– Да видела я мост, а не чертежи, и я не отрицаю этого, и сад видела, и даже гуляла в нем, а по мосту вашему ездила. Правда обалденное сооружение и красивое. А можно спросить? – глядя в его зеленые расширенные глаза, спросила я.

Он только кивнул головой, давая понять, что можно.

– Вот вы живете тут в этих декорациях, у вас что, секта?

– Что у нас?

– Ну такая отчужденная группа людей от мира сего.

Хоть он и смотрел на меня, но по лицу вообще невозможно было понять, что сейчас он думает. Но в глазах я все же читала, что он меня не понимает.

– Да нет, мы не отчужденный народ, – сказал он мне в ответ.

– Тогда я не понимаю ничего уже.

– Вот и я не понимаю, а хочу понять, поэтому попробуй рассказать так, чтобы я все понял.

– Ну как мне еще понятнее рассказать?

– Постарайся уж как-нибудь.

– Вот скажите, сударь, вы каким годом тут живете? Одежда на вас странная, и вообще все как первобытные здесь, шарахаетесь от телефона как от чумы, креститесь при любом моем движении, и уверяете, что вы при этом не отчужденный народ.

– Тысяча пятьсот двадцать шестой год от Рождества Христова! – произнес он.

– Мм-да уж, только не забывайте, что по ту сторону стены замка на дворе две тысячи восемнадцатый год. Двадцать первый век, сударь. Век информационных технолооо..., – не договорив, я так и осталась сидеть с открытым ртом, глядя на него.

– Вставай! – сказал он мне. – Пойдем, покажешь мне все, о чем ты говоришь, может, я правда не понимаю твой язык.

Протянул мне руку, и я подала свою. Он одним мгновением поставил меня перед собой.

– Не смей бежать, это бесполезно, поняла?

– Поняла, – кивнув, почти прошептала я.

Он открыл дверь, пропуская меня вперед, выйдя из комнаты, я оглянулась по сторонам, все здесь было не так, как неделю назад на экскурсии, когда я рассматривала железные манекены рыцарей, доспехи, которые хранились в закрытых полках и которые трогать не разрешалось, а только смотреть сквозь стекло. Тут же все было реально, двое стражников, здоровые парни, встали при виде нас. Не было ни макетов, ни железных статуй, оружие было, но не на полках, а рядом со стражниками, на боках у них висели мечи. Проходя мимо их, я ощущала такие испепеляющие взгляды, как будто они просверливали взглядом в моем лбу дырку. Когда мы вышли из башни, два здоровых парня тут же кинулись к нам, но Винцент взмахом руки остановил их, что-то сказал, и ему один из них поднес меч, он его сунул в пояс, и мы пошли к выходу из замка. Оглядываясь по сторонам, я не видела той красоты, по которой гуляла тут во время путешествия. Везде бегали куры, козы даже коровы где-то мычали. Все занимались каким-то делом. Я шла к выходу, и меня пробирал страх. А что там за воротами? А там за воротами одни колючие заросли, по которым мы с Эгоном еле дошли до замка. Я ничего не понимала.

Ворота отворили, причем не макетный охранник, а настоящий во всех доспехах, как и полагалось в кино. Мы вышли за ворота замка, за нами вышли два здоровых воина, которые

бежали навстречу, когда мы вышли из башни. Не знаю, что Винцент им опять сказал, но они пошли под мост. Мы же по деревянному мосту перешли ров, глядя вниз моста, я подумала, когда у него наконец-то закончится спуск, но увидела только колючие заросли и все. Винценто шел рядом и наблюдал за каждым моим движением.

– Ну показывай, что у нас тут за воротами?

– А я откуда знаю, чего у вас тут, – ответила я.

– Как не знаешь? Там, в башне, ты мне говорила, за воротами у нас какой-то век.

– Да ладно, не берите меня на пушку. Я ведь помню, что у вас тут кроме колючек ничего нету. Отведите меня на мою тропу, откуда я зашла в ваш двор или, как там Эгон сказал, двор Сальза. Вот там я покажу, чего на дворе.

– Нет, сегодня туда мы не пойдем, сегодня ты мне покажешь, где ты видела мост и откуда, говоришь, его видно?

Мы шли по тропе вверх, за большой скалой должен быть верхний замок Агело, но я уже молчала, боясь проронить хоть слово.

А то ведь замучает совсем, откуда я это знаю.

Шла молча и размышляла про себя: «Кто эти все люди?» Но не находила в себе никакого ответа. Так мы молча дошли почти до скалы. Я шла и даже не слышала, что он мне сказал или крикнул. Я только почувствовала толчок и улетела к скале, завалившись между двух камней.

«Да еклмн,» – хотела выкрикнуть было. Но тут увидела, что один здоровяк, весь обвешанный зелеными ветками, машет мечом перед Винценто.

– О Боже, придурки, вы когда наиграетесь уже, а? – закричала я.

Откуда появился второй, я не знаю, но он как будто вырос перед мной со своим мечом, да с такой ухмылкой ехидной, чем взбесил меня. Камней было, на мое счастье, аж целый вагон, ну зачем он передо мной махал этим своим мечом. Я ведь слабая женщина и только, и боюсь, как и все слабые существа, холодное, и не только холодное, но и огнестрельное оружие. Правой рукой нащупав камень, я зажала его крепко, а он шел на меня и чего-то шептал, держа перед собой меч.

Да простит меня Боже, но страх меня поборол, и я запустила камнем в него. Хоть он и был близко, я, видно, от страха сильно высоко кинула и промахнулась, ему даже весело стало. А мне-то не очень было весело от всех этих заморочек. Чего он мне шептал, я не понимала. В руке опять зажала камень и запустила в него, но не знаю, попала или нет, так как в ответ получила звучную оплеуху, что звездочки посыпались из глаз, и ударила головой об скалу, почувствовав, как горячая струйка побежала мне за шиворот рубахи. В глазах все стало темно, слышала только лязг мечей. Нет, я не потеряла сознание, я просто на пару секунд отключилась, но, когда в глазах прояснилось, Винцент дрался уже с моим обидчиком, а тот, первый, лежал, неестественным образом головой склоняясь ко рву, и только ноги удерживали от падения в низ. Мне реально стало страшно. Я глянула на дерущихся, и в этот момент Винцент всадил меч моему обидчику в живот, он уронил свой и двумя руками схватился за всаженный Винценто меч, медленно падая на колени, мой защитник выдернул свой меч, весь в крови, враг упал лицом в землю.

– О Боже, ты ж убил его, – закричала я.

А он так спокойно ответил:

– Ну да.

– О Боже, о Боже, – меня от страха начало трясти. – Ты и другого убил?

И опять его спокойное:

– Ну да.

– Что ты ну дакаешь. Тебя же посадят теперь!

Он стоял спокойный такой, как будто убивать ему было делом привычным, и он это проделывал каждый день, мне стало совсем страшно, глядя в его зеленые глаза. Мысли мои путались, я была в шоке от увиденного. От страха трясло так, что стучали зубы.

Он подошел к ко мне ближе, прижал к себе и опять своим глухим ш-ш-ш-ш, гладил меня по волосам, сказал:

– Все хорошо, ты со мной, не бойся ничего и никого.

– Кто ты? Раз так свободно можешь лишиться жизни людей, и при этом уверять, что все хорошо?

Я оттолкнула его от себя и уже кричала, страх меня окутывал еще сильнее.

– Кто ты, черт тебя подери? Кто вы все? Так свободно разгуливаете с мечами и машете ими, не боясь никакого наказания. Где я?

Он сделал ко мне шаг, но я отступила назад.

– Не подходи ко мне.

Вытянув трясущиеся руки вперед, я махала ими, как будто могла этими дрожащими руками себя защитить. Отходя назад, я во что-то уперлась ногами, когда оглянулась, это лежал убитый парень. Меня как будто кипятком облили, так я испугалась мертвого тела, я попыталась перепрыгнуть через него, но страх сковывал ноги, они обмякли, и я упала в черную дыру обморока.

Я пришла в себя, меня несли на руках, я обвила шею обеими руками, и носом уткнулась в эту сильную шею. Да, это был Винценто, мой рыцарь, но сейчас я уже не знала, в чьих я руках, кто он? Кто все эти люди, которых мне довелось увидеть за это короткое время, как я потерялась в лесу. Я чувствовала себя потерянной настолько, что ни одна умная мысль не возникала в моей голове, как быть?

– Милорд, она, кажется, пришла в себя, – услышала я.

– Я вижу, – ответил он.

И так же тихо, успокаивающе прошептал почти мне в ухо: «Ш-ш-ш-ш, все хорошо», но руки не разжимал, нес меня дальше.

– Арес, отвори ворота, – скомандовал он.

Ворота заскрипели, и я услышала, как их раскрывают, скрежет говорил о том, что они были тяжелые. Мне было в эту минуту в руках этого сильного мужчины так спокойно, что я не хотела открывать глаза и смотреть на все, что вокруг, как все пристально рассматривают, как все вокруг изменилось до неузнаваемости. Какой-то древний мир, который пугал меня своим бытом, своей реальностью. Я не хотела приходить в себя. Все, что я увидела, почувствовала, для меня было ужасным. К тому же голова трещала так, как будто хотела взорваться. Я не понимала его языка, какие указания он давал, я не понимала, что ему говорили. Я просто боялась открыть глаза. Я не верила всему тому, что происходило вокруг меня, я не могла поверить в то, что видела, что услышала, такое может случиться только в кино. Я не открывала глаза, а он не отпускал меня с рук, хотя я знала, что мы уже в замке. В его замке, его доме. Он занес меня в комнату и у кровати уже почти шепотом сказал:

– Открой глаза.

Я в ответ мотнула головой:

– Нет.

Он стал опускать меня на пол, я раскрыла глаза и, глядя в его синие глаза, разрыдалась, руки сильнее сжимали его шею, я не хотела опускаться на эту землю, где пахло смертью, где было опасно, где люди жили прошлым.

– Я боюсь, понимаешь, мне страшно, мне очень страшно, – плача, говорила я.

– Не бойся, я с тобой, я не дам тебя в обиду, – а сам гладил меня по голове, как маленькую девочку.

– Дай мне слово чести, что ты не оставишь меня здесь одну. Иначе я просто умру от страха.

– Я даю тебе слово чести и не оставлю тебя одну! Только не плачь больше.

Почему мне это было важно услышать? Но я верила ему уже на все сто процентов. Ведь он уже какой раз оказывался рядом, в ту минуту, когда опасность меня целовала в щеку.

– У меня болит голова, – сказала я.

– Посиди здесь, я пошлю за Эльзой, надо обработать рану на твоей голове.

– Нет, не уходи, – выкрикнула я и соскочила с места.

– Я здесь, не бойся, я просто выйду за дверь и позову кого-нибудь.

Он опять усадил меня на кровать.

– Тебе лучше сидеть, а то опять упадешь в обморок. Тогда мне точно придется тебя оставить тут, а самому бежать вниз и искать, кто сможет тебя привести в чувство, – улыбаясь, сказал он мне.

– Хорошо, я посижу, только ты не уходи далеко.

– Умница, сиди, а я быстро крикну кого-нибудь.

Он открыл дверь и крикнул что то, а может, позвал кого-то, я опять не понимала его речь.

Но через минуты две возле него встали два парня, чего он говорил, я уже даже не вслушивалась, голова трещала от каждого звука все сильнее и сильнее.

Еще через несколько минут вошла женщина, приятная на лицо. Улыбалась так искренне, что невольно и я улыбнулась ей. Говорила она быстро, негромко, голос был такой убаюкивающий. «Прям как в детстве, когда читают сказки детям», – подумала я. Одета она была как бабушка в деревне, но только темное платье до пола, а так, фартук, башмаки в виде галош, немножко, правда, странные, но схожесть есть. На голове чепчик, смешно как-то, но он ей подходил, на вид ей было лет пятьдесят. Такая живая, высокая, приятная толстушка. Кружилась вокруг меня, что-то быстро-быстро говорила, мне казалось, она слова выстреливает, как с автомата. Я сидела и только хлопала глазами, даже слезы перестали катиться. Она взяла меня за голову и руками дала понять, чтоб я ее наклонила вперед, она стала ощупывать вокруг раны, откуда текла кровь, когда я ударилась об скалу. Ощупывала она рану осторожно, но мне все же было больно. Когда она дернула прядь моих волос, которые склеились от крови, я закричала, такая резкая боль пронзила мою голову. Нет, это не был сон, раз я так чувствую боль, думалось мне.

Она отошла от меня, что-то отстреляла своим убаюкивающим голосом Винценту и вышла за дверь.

В дверь постучали и два здоровых парня внесли кадку, наполовину наполненную водой. Поставили в угол, еще один парень занес два здоровых ведра воды, поставил рядом. И все вышли за дверь.

Я наблюдала за всем происходящим молча, но глаза мои, я чувствовала, расширяются и, кажется хотели вылезти на лоб от всего, что вокруг происходило.

Зашла еще одна пышка, с русой красивой косой, розовые щеки, тоже в чепчике, в фартуке и длинном темном платье. Поставила небольшую лавочку у кадки и положила какой-то сверток. Развернулась ко мне и, глядя на меня в упор, смотрела, как будто ждала от меня чего-то.

Винценто все еще стоял за дверью и все что-то говорил, кому, чего, я не видела и не понимала. Девушка крикнула ему, он заглянул в комнату. Что-то ей сказал, она подошла ко мне вплотную. И стала задирать рубаху, которая была на мне, принесенная Артуром. Если честно, я ужасно обрадовалась, что все-таки эту дерюгу можно снять. Сама смотрела на вошедшего Винценто.

– Я буду за дверью, Адель поможет тебе раздеться и искупаться, потом вернется Эльза и займется твоей головой. Она пока готовит отвар. Не бойся, я рядом, и тебя тут никто не обидит.

Я смотрела опять на него, а глаза наполнялись слезами. Я не хотела плакать, но и не могла сдержать слез.

– Ты хочешь, чтоб я остался тут, при твоём купании? – спросил он.

– Нет, – только и сумела сказать я.

Он подошел ко мне, чмокнул в макушку.

– Тогда купайся и ничего не бойся, обещаешь?

Я в ответ только кивнула, и он вышел.

Адель была девушкой осторожной, осторожно помогала снять эту чертову рубаху через голову, затем мой желтый топик. А потом с таким удивлением уперлась глазами в мой бюст, нет, не в бюст, а в мой кружевной белый бюстгальтер, что, казалось, сейчас не я боюсь их всех, а они все опять меня боятся. Я расстегнула его и протянула ей. Она взяла и вертела его в руках как действительно первобытная, никогда не видевшая женского лифчика. Но когда я снимать начала свои трусики, удивление у нее увеличилось еще раза в четыре. Мои белые стринги ее по ходу просто убили. Юбка моя была уже не поймешь какого цвета, да и юбкой ее уже никак не назвать, вся грязная, порванная, внизу, где отрывала ленты на перевязку, висели нитки, одним словом, это уже была не юбка, но спустив ее через ноги вниз, я перешагнула через нее совершенно нагая и пошла к кадки. Смотрела на эту деревянную бочку и думала, как в ней купаться? Опустила руку в воду, вода была не горячей, но приятно теплой. Адель пододвинула маленькую лавочку мне под ноги, а я не знала, то ли мне надо на нее сесть, то ли наступить. Но я не стала долго раздумывать, так как действительно хотела смыть весь этот кошмар с себя, я задрала ногу, перекинув ее через край кадки, оттолкнулась другой ногой от пола, подпрыгнув, я быстро перелетела через борт этой бочки и оказалась в воде.

Ай, вскрикнула я, так как от теплой воды все мои царапки и раны на теле защипали, мне хотелось вылететь из воды назад. Хоть боль и была ощутима и неприятна, я все же стояла в воде, стараясь побороть жжение болячек. Через некоторое время боль стала отступать, и я потихоньку начала погружать себя в воду, но сесть на дно я не могла, как можно в бочке сесть. Пока я обдумывала, Адель подала мне ту же маленькую лавочку, и я поняла, что на нее надо садиться. Она набрала в ковш воды из ведра и стала осторожно поливать мне на голову. Потом взяла какой-то кусок и стала им мне натирать волосы.

– Обалдеть, мыло, а что, шампуни в вашем сервисе не предусмотрены? – пробурчала я, так как намыливая она голову больно и настырно, не давая мне вывернуться из ее рук. Но там, где была рана, она была все же осторожна, а у меня от боли захватывало дух, и я замерла. Промыв мои волосы чистой водой из кувшина, она еще раз намылила, но уже я, не извиваясь, сидела как онемевшая статуя, только вскрикивала и дергалась иногда от боли. Помыв мою голову, она стала намыливать кусок мешковины, видно, заменявший мочалку, и тихонько стала тереть по спине. Я взяла из ее рук мочалку и сказала:

– Спасибо, дальше я сама.

Она наверно поняла, отошла от кадки, а я краем глаза глядела на нее, мылив себя обмывочным куском мыла, который был с каким-то непонятным запахом, напоминавшим мне хозяйственное мыло. Адель снова подошла к моей одежде, которая лежала на полу, собрав все, она опять уперлась своим взглядом в мое нижнее белье.

«Вот первобытная мадам, – думала я. – Что, трусы и лифчики не носит, что ли? Ужас.»

Рассмотрев, она свернула все в юбку и хотела выйти, я закрычала.

– Ты куда понесла одежду? Я что, голой должна остаться?

Она остановилась, пожимая плечами, что-то проговорила. Мы не понимали друг друга.

Я показывала руками, всеми жестами, какими можно объяснить:

– Тащи обратно, блин, мою одежду!

Она нехотя все же подошла. Я выхватила с ее рук одежду и бросила сверток на другую сторону от нее.

Дверь открылась, и вошла толстушка с ковшом, защebetала своим убаюкивающим голосом, вот бы еще понять, чего щebetала. Так нет же, я не понимала ни слова. Они вдвоем подошли ко мне. Адель держала меня за плечи, толстушка наклоняла голову вперед за макушку, я поддавалась и расслабилась. Она что-то говорила и тихонько стала лить воду из кувшина, нет, это была не вода, запахло травой какой-то, но как только зелье коснулось раны на голове, я закричала как ненормальная, вырываясь из рук Адель. Боль была сильной, жгло так, как будто мне влили раскаленный свинец, который прожигал теперь и нутро головы тоже.

– Вот изверги чертовы! – кричала я. Но они не обращали внимания на мои вопли, все лили и лили эту гадость на мою голову. Адель еще крепче прижала меня к стенке кадки.

Наконец-то зелье закончилось, в глазах двоилось. Мне уже ничего не хотелось, только лечь и забыться во сне. Я стала вылезать из этой долбаной бочки, они мне помогали вдвоем, Адель накинула на меня простыню, я замоталась в нее и двинулась к кровати, я не легла, просто упала в нее, не хотела больше шевелиться, в голове все жгло, мозги, казалось, плавись. Но мне не дали спокойно забыться. Эти две милые пышки стали меня опять толкать, одна хотела забрать простынь, в которую я укуталась, другая за плечи отрывала меня от подушки.

– Да екльн, – ворчала я, – оставьте меня все в покое.

Но головная боль сверлила виски и молоточком стучала в лоб при каждом моем слове, я замолчала. Открыла глаза, смотрю на этих девиц, а сама убить была готова за их рвение меня поднять. Та, что с убаюкивающим голосом, наверное, и была Эльза, раз суетилась все у моей башки, потом поднесла ковш опять с какой-то травой заваренной к моему рту. Я глотнула и закашлялась. О Бог мой, такой горькой гадости я еще не пила.

Но она не отставала и поднесла опять ковш ко рту, чтоб я пила дальше, при этом показывала, чтобы я глубже дышала. Я так поняла, что пока все это не выпью, меня не оставят в покое. Вдохнула три раза глубоко, выдохнула и залпом стала пить эту горечь, преодолев себя, я почти всю ее все же выпила и давай дышать, чтоб не задохнуться от кашля. Адель меня слегка похлопывала сочувственно по спине. Когда я почувствовала, что могу уже спокойно дышать, Эльза размотала сверток, который лежал на табурете. Это была белая льняная рубашка, напоминавшая мне бабушкину ночную сорочку. Эльза стала ее натягивать осторожно через мою голову, я уже не сопротивлялась ничему, а податливо помогала одеть себя. Как только я оделась, в дверь постучали, Эльза крикнула в ответ на стук, и в комнату вошел Винцент, пропуская вперед молодую девицу в фартуке и чепчике с подносом в руках. Поставив поднос на табурет, придвинутый Адель, девица удалилась. На подносе стояла деревянная кружка, чем-то наполненная, и кусок белого мягкого хлеба. Винцент прошел к кровати, присел на край рядом с табуретом и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.